

Источник: Король Ричард Второй. Драматическая хроника в пяти действиях. Перевод Д. Михаловского // Шекспир В. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / Под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 2. С. 67-112.

67

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ ВТОРОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Трагедія «Король Ричардъ Второй» была написана въ 1596 году, а издана въ свѣтъ и представлена въ театрѣ – ровно черезъ годъ. Послѣ того, съ 1597 по 1615 годъ, выдержала она еще три изданія. Въ третьемъ изданіи (1608) явилась она исправленною и дополненною, при чемъ на заглавномъ листѣ было отпечатано крупнымъ шрифтомъ: *съ новымъ прибавленіемъ сцены въ парламентъ и сверженіе короля Ричарда.*

«Ричардъ II» былъ созданъ Шекспиромъ послѣ «Генриха VI» и «Ричарда III». Изобразивъ въ двухъ послѣднихъ пьесахъ всѣ ужасы войны Алой и Бѣлой Розы и торжество Йоркскаго дома надъ Ланкастерскимъ, онъ хотѣлъ въ другихъ пьесахъ представить предшествовавшее торжество Йоркской династіи возвышеніе Ланкастерскаго дома съ тѣмъ, чтобы всѣ его хроники заключали въ себѣ возможно-подробную исторію правленія и гибели Плантагенетовъ. Этотъ-то рядъ пьесъ долженъ былъ начаться съ «Ричарда II». Прежде всего необходимо бросить бѣглый взглядъ на ходъ историческихъ событій въ царствованіе Ричарда II, а потомъ уже сказать нѣсколько словъ о значеніи этой замѣчательной хроники Шекспира.

Въ 1377 году умеръ Эдуардъ III; послѣ него осталось пять сыновей. Двое старшихъ изъ числа этихъ пяти – Эдуардъ, прозванный Чернымъ Принцемъ, и Ліонель, герцогъ Кларенскій – умерли еще до смерти Эдуарда III. На англійскій престолъ возведенъ былъ одиннадцатилѣтній сынъ Эдуарда, Чернаго Принца – Ричардъ II. Въ то время еще оставались въ живыхъ трое младшихъ сыновей Эдуарда III: Джонъ Гантъ, герцогъ Ланкастерскій, Эдмондъ Лэнгли, герцогъ Йоркскій, и Томасъ Вудстонъ, герцогъ Глостерскій. Первые два со своими сыновьями, Болинброкомъ и Омерлемъ, являются въ драмѣ; о третьемъ изъ нихъ, герцогѣ Глостерскомъ, только мимоходомъ упоминается въ ней.

Ричардъ II, послѣ очень долгой и тяжелой опеки, успѣлъ, наконецъ, освободиться изъ-подъ власти своихъ дядей; но долженъ былъ принять управленіе государствомъ въ чрезвычайно трудное время, когда финансы государственные были совершенно истощены войнами его дѣда, Эдуарда III, а роскошь и пышность жизни достигли во всѣхъ слояхъ англійскаго общества высшей степени. Долгая и тяжелая опека дядей сдѣлала его

подозрительнымъ ко всему, что его окружало: онъ полюбилъ наущничество, и болѣе довѣрялся выскочкамъ, чѣмъ знатнѣйшимъ чинамъ государственнымъ. Легкомысліе и неограниченное самоуваженіе, главные и, можетъ-быть, единственные недостатки короля Ричарда II, не дали ему возможности серьезно заняться тѣми государственными реформами, которыя были въ то время существенно необходимы; мало обращая вниманія на нужды народа, онъ долженъ былъ постоянно придумывать новые налоги и тягости, которые вскорѣ вооружили противъ него всѣ сословія. Кромѣ того, между Ричардомъ и его дядями вскорѣ завязались самыя непріятныя отношенія, которыя рано или поздно должны были кончиться гибелью той или иной стороны. Дяди обходились съ королемъ-племянникомъ очень заносчиво, и, привыкнувъ къ независимости, открыто не подчинялись ему, стремились даже къ пріобрѣтенію иноземныхъ коронъ. Въ душѣ Ричарда глубоко залегла ненависть къ дядямъ, что всего яснѣе обнаружилось въ его дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ одному изъ его дядей – герцогу Глостерскому.

68

Въ 1336 году герцогъ Глостерскій, поддерживаемый знатью, недовольный своеволіемъ любимцевъ короля, и народомъ, вынудилъ своего племянника-короля подчиниться особому правительственному совѣту. Ричардъ II вдругъ увидалъ себя не только стѣсненнымъ въ своихъ правахъ, но почти лишеннымъ ихъ. Напрасно пытался онъ стряхнуть съ себя силою оружія это неожиданное иго: герцогъ Глостерскій и его партія остались побѣдителями и Ричарду пришлось видѣть, какъ враги его изгоняли, преслѣдовали и казнили его друзей. Герцогъ Глостерскій, въ эту минуту торжества надъ королевскою партіею, по его собственному признанію, мечталъ даже о коронѣ; но у него не хватило духу на такой смѣлый шагъ, – и онъ отложилъ свои намѣренія. Но раздора, внесеннаго этими событіями въ домъ Плантагенетовъ, уже нельзя было угасить. Почти вся Англія при этомъ раздѣлилась на двѣ партіи, и на сторонѣ Глостеровской партіи стояли многіе принцы крови, между прочими и Болинброкъ, сынъ герцога Ланкастерскаго.

Въ связи съ этими событіями нужно поставить и то обстоятельство, что Ричардъ II, около этого самаго времени, назначилъ послѣ себя наслѣдникомъ престола своего племянника, Роджера Мортимера, внука Ліонеля, который, при бездѣтности Ричарда въ бракъ съ Анною Богемскою, оставался старшимъ въ родѣ. Этимъ Ричардъ, очевидно, хотѣлъ показать своимъ гордымъ дядямъ, что они, даже и низвергнувъ своего племянника съ престола, все же не будутъ имѣть никакихъ правъ на корону. Между тѣмъ партія герцога Глостерскаго начала сильно ослабѣвать и утрачивать свое значеніе въ глазахъ народа, такъ что около 1389 года Ричардъ II снова вернулъ себѣ всѣ свои права. Первымъ дѣломъ его было всеобщее прощеніе. Но и въ той, и въ другой партіи озлобленіе все еще было слишкомъ велико. Къ этому же времени относится смерть Анны Богемской (въ 1394 году),

которую Ричардъ любилъ очень нѣжно. Въ слѣдующемъ же году Ричардъ вдругъ велѣлъ схватить своего дядю, герцога Глостерскаго, отвезти въ Калэ – и тамъ, по приказанію Ричарда, онъ былъ тайно убитъ. Только уже послѣ убійства, Ричардъ II рѣшился обвинить передъ парламентомъ своего дядю, герцога Глостерскаго, въ государственной измѣнѣ. Вслѣдствіе такого обвиненія со стороны короля, многіе изъ бывшихъ приверженцевъ герцога Глостерскаго были казнены и изгнаны.

Какъ разъ въ это время случилось, что герцогъ Норфолькъ сообщилъ однажды въ дружеской бесѣдѣ герцогу Болинброку, будто король задумываетъ избавиться отъ всѣхъ бывшихъ сообщниковъ Глостера и что, слѣдовательно, имъ всѣмъ угрожаетъ неминуемая опасность. Болинброкъ и отецъ его, герцогъ Ланкастерскій, не довѣряя вполнѣ двуличному Норфольку, рѣшились придать этому дѣлу гласность съ тѣмъ, чтобы нѣсколько обезопасить себя на тотъ случай, если дѣйствительно Ричардъ II затѣваетъ противъ нихъ что-нибудь недоброе. Вслѣдствіе этого, и Болинброкъ, и Норфолькъ были изгнаны Ричардомъ II изъ Англіи (1397), и Ричардъ продолжалъ попрежнему править государствомъ съ полнѣйшею беззаботностью и безразсудствомъ. Такъ, на примѣръ, по смерти стараго герцога Ланкастерскаго, онъ совершенно незаконно присвоилъ себѣ всѣ его владѣнія и даже движимость, вѣроятно потому, что постоянно нуждался въ деньгахъ. Къ его несчастію, около самаго этого времени, Роджеръ Мортимеръ, котораго онъ назначилъ наслѣдникомъ престола, умеръ въ Ирландіи, и Ричарду вздумалось самому туда отправиться для устройства дѣлъ его сына, малолѣтняго Эдмонда Мортимера.

Этимъ отсутствіемъ короля воспользовался Болинброкъ и внезапно явился въ Англію – требовать отъ короля возвращенія своихъ родовыхъ помѣстій и движимости отца. Онъ клялся, что онъ ничего не замышляетъ противъ особы короля. Къ нему тотчасъ же пристали очень многіе изъ знати, а когда его сторону принялъ епископъ Кентенберійскій и Болинброкъ успѣлъ замѣтить среди знати и народа стремленіе къ перемѣнѣ правленія, то онъ этимъ воспользовался и сталъ добиваться не своихъ правъ на отцовское наслѣдство, а короны. Въ началѣ 1399 года присталъ къ Болинброку могущественный Нортумберландъ, и самъ городъ Лондонъ изъявилъ желаніе видѣть Болинброка на Ричардовомъ престолѣ. Когда слухи о происходившемъ въ Англіи дошли до Ричарда въ Ирландію, онъ долго медлилъ въ Ирландіи, пока наконецъ не переправился въ Англію и высадился въ княжествѣ Уэльскомъ. Когда же онъ увидѣлъ, что большая часть Англіи уже приняла сторону Болинброка, то со своимъ небольшимъ войскомъ, онъ поспѣшилъ запереться въ одномъ изъ крѣпкихъ пограничныхъ замковъ. Съ этой минуты участь Ричарда II была уже рѣшена. Хитрый Болинброкъ, подъ предлогомъ переговоровъ, выманилъ Ричарда изъ замка, поклявшись въ его безопасности; но едва успѣлъ Ричардъ выгнать изъ замка, какъ изъ скрытой засады на него устремились воины, окружили его и объявили плѣннымъ. Послѣ того несчастнаго короля повезли въ Лондонъ, гдѣ и заключили въ Тоуэръ. Когда отъ имени короля былъ собранъ

Болинброкомъ парламентъ, то къ королю Ричарду отправлена была депутація,

составленная изъ однихъ приверженцевъ Болинброка. Такъ какъ ему и его партіи необходимо было придать хоть какой-нибудь видъ законности своимъ дѣйствіямъ, то они и потребовали отъ Ричарда, подъ страхомъ смерти, чтобы онъ добровольно отказался отъ престола и назначилъ своимъ преемникомъ Болинброка. Только страхъ смерти могъ вынудить у несчастнаго короля тотъ, ни съ чѣмъ несообразный, актъ отреченія, который депутація принесла парламенту отъ его имени, тѣмъ болѣе, что онъ еще незадолго передъ тѣмъ назначилъ Эдмонда Мортимера *единственнымъ* законнымъ наслѣдникомъ престола послѣ своей смерти.

По счастью для Болинброка, въ парламентъ, на этотъ разъ, кромѣ его приверженцевъ, засѣдали все люди очень равнодушные и недалновидные, которымъ этого вынужденнаго и вполнѣ незаконнаго акта было достаточно для того, чтобы подать голосъ въ пользу Болинброка. Одинъ только Томасъ Мерксъ, епископъ Карляйльскій, рѣшился возражать.

Друзья Ричарда взялись было за оружіе, но возстаніе ихъ было очень скоро подавлено Болинброкомъ, который уже вступилъ тогда на престолъ подъ именемъ Генриха IV. Это-то возстаніе, которое заставляло предвидѣть возможность и другихъ подобныхъ же, вѣроятно побудило Генриха IV поспѣшить рѣшеніемъ судьбы свергнутаго имъ двоюроднаго брата. И дѣйствительно – въ 1400 году распространилась всюду вѣсть о смерти Ричарда II. Одни говорили, что Ричарда заморили голодомъ и холодомъ; другіе – будто онъ самъ уморилъ себя голодомъ съ отчаянья; третьи, наконецъ, утверждали, что какой-то рыцарь, по имени Экстонъ, по повелѣнію Генриха IV, пробрался въ его заключеніе и убилъ его.

Мы изложили событія въ той послѣдовательности и въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляютъ намъ достовѣрные источники. Если принять въ соображеніе то, что Шекспиръ слѣдовалъ въ изложеніи событій своей драмы популярной хроникѣ Голиншеда – далеко не достовѣрнѣйшему источнику, то «Ричарда II» можно будетъ считать, за весьма немногими исключеніями, за хронику, въ которой Шекспиръ менѣе всего отступилъ отъ исторической истины. Мало того, «Ричарда II» слѣдуетъ и по обработкѣ главнаго характера считать за лучшую изъ Шекспировскихъ хроникъ, потому что ни въ одной изъ остальныхъ великій поэтъ не угадалъ съ такою поразительною вѣрностью истинной основы историческаго характера, несмотря на тѣ обстоятельства, которыя должны были говорить сильно не въ пользу Ричарда II. Дѣйствительно, судя по разговорамъ современниковъ, мы не можемъ не видѣть въ Ричардѣ II человѣка, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, стоялъ цѣлою головою выше своихъ предшественниковъ. Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь его коротенькую характеристику,

написанную однимъ монахомъ, который часто его видалъ и не разъ бывалъ съ нимъ въ сношеніяхъ:

«Ричардъ II былъ не великъ ростомъ, бѣлокуръ, лицо имѣлъ круглое, очень красивое, но безъ всякихъ признаковъ бороды и весьма женственное. Цвѣтъ лица былъ у него нѣжно-розовый, но быстро смѣнялся ужасною блѣдностью, когда Ричардъ гнѣвался. Во всѣхъ движеніяхъ былъ суетливъ и неловокъ. Во всякомъ случаѣ, однакоже, у него были нѣкоторыя неотъемлемыя достоинства. Когда ему удавалось преодолѣть врожденную нерѣшительность, то у него не бывало недостатка ни въ мужествѣ, ни въ твердой волѣ. Кромѣ того, по образованію своему, онъ былъ далеко выше своихъ предшественниковъ: онъ былъ первымъ англійскимъ королемъ, умѣвшимъ читать и писать.»

Если къ этой характеристикѣ мы прибавимъ, что Ричардъ II любилъ и поощрялъ искусства, покровительствуя такимъ замѣчательнымъ людямъ, какъ Фроассаръ и Чосеръ, что Ричардъ II умѣлъ быть терпимымъ въ дѣлѣ религіи и своею терпимостью спасъ Виклефа отъ участи Гусса, то намъ нельзя будетъ не сознать того, что Шекспиръ поразительно вѣрно очертилъ его характеръ. И на этомъ-то характерѣ основалъ онъ всю драму. Въ этомъ отношеніи «Ричардъ II» служитъ прямою противоположностью «Королю Джону», въ которомъ лица второстепенныя привлекаютъ на себя гораздо болѣе вниманія, чѣмъ характеръ самого Джона. Особенно конецъ «Ричарда II», съ той самой минуты, когда начинается его плѣнь, весь основанъ на строгомъ и тончайшемъ анализѣ Ричардова характера. Здѣсь-то, съ неподражаемымъ искусствомъ и прелестью, умѣлъ Шекспиръ указать намъ человѣческія стороны созданнаго имъ типа, умѣлъ раскрыть передъ нами тайники сердца Ричарда, умѣлъ вызвать въ насъ любовь и уваженіе къ нему, среди нужды и презрѣнія, послѣ того какъ, среди величія и блеска, онъ поражалъ насъ своей заносчивостью и самообожаніемъ.

Кромѣ перевода, сдѣланнаго для нашего четвертаго изданія Д. Л. Михаловскимъ, мы имѣемъ три полныхъ перевода «Ричарда Второго» на русскій языкъ, въ томъ числѣ два стихотворныхъ и два отрывка. Вотъ ихъ полный титулъ:

1) Ричардъ II. *Шекспира. Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера.* («Шекспиръ», 1841, ч. I, выпускъ 2, стр. 111-229.)

То же. Изданіе второе. (Москва, 1862, ч. I, стр. 89-184.)

2) Король Ричардъ II. *Драматическая хроника Вилліама Шекспира.* Переводъ В. Костомарова. («Полное Собраніе Сочиненій Вилліама Шекспира въ русскомъ переводѣ», 1865, ч. II, стр. 1-197.)

3) Король Ричардъ II. *Драматическая хроника Шекспира. Переводъ А. Соколовскаго* («Современникъ», 1865, т. CVIII, № 6, отд. I, стр. 345-450.) и третье издание сочиненій Шекспира.

Эта хроника помѣщена также въ полномъ изданіи Шекспира, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

Кромѣ этихъ трехъ полныхъ переводовъ мы имѣемъ еще два отрывка. Вотъ они.

4) Отрывокъ изъ Шекспировской трагедіи: «Жизнь и смерть Ричарда II, короля англійскаго». Безъ означенія имени переводчика. («Санктпетербургскій Вѣстникъ», 1831, т. III, №№ 29 и 31, стр. 48 и 100.) Дѣйствіе I, явленія I-VI.

5) *Монологъ короля Ричарда II передъ его смертью въ темницѣ. Изъ пятой сцены пятаго акта Шекспировой драмы «Ричардъ II». Переводъ Д. Мина.* («Русскій Вѣстникъ», 1864, т. L, № 4, отд. I, стр. I, стр. 753-754).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король Ричардъ Второй.

Эдмондъ Лэнгли, герцогъ Йоркскій, дядя короля.

Джонъ Гантъ – герцогъ Ланкастерскій, дядя короля.

Генрихъ, герцогъ Гирфордскій, прозванный Болинброкомъ, сынъ Ганта, впоследствии Король Генрихъ IV.

Герцогъ Омерль, сынъ герцога Йоркскаго.

Томасъ Маубрэй, герцогъ Норфольскій.

Герцогъ Серрей.

Графъ Салисбери.

Графъ Бэркли.

Бэготъ }

Буши } любимцы короля Ричарда.

Гринъ }

Графъ Нортomberландъ.

Генри Перси, его сынъ.

Лордъ Россъ.

Лордъ Виллоби.

Лордъ Фицуотеръ.

Епископъ Карляйльскій.

Аббатъ Уэстминстерскій.

Лордъ-Маршалъ и другой лордъ.

Сэръ Пирсъ Эксонъ.

Сэръ Стэфенъ Скрупъ.

Капитанъ отряда уэльцевъ.

Королева, жена Ричарда.

Герцогиня Глостерская.

Герцогиня Йоркская.

ДАМА изъ свиты королевы.

Лорды, герольды, разныя должностныя лица, солдаты, два садовника, тюремщикъ, гонцы, конюхъ, другіе служители и свита.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Англіи, частію въ Уэльсѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входитъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ *со свитою, ДЖОНЪ ГАНТЪ и другіе лорды.*

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Старикъ Джонъ Гантъ, мастистый Ланкастеръ,
Съ тобой ли сынъ твой, смѣлый Генри Гирфордъ,
Котораго ты клялся привести,
Чтобъ подтвердилъ онъ тяжкій свой извѣтъ
На Норфолькскаго герцога, Маубрѣя?
Его въ тотъ разъ не выслушали мы
За недосугомъ.

ГАНТЪ.

Государь, онъ здѣсь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Еще скажи, допытывался ль ты:
Не по враждѣ ль какой-нибудь, давнишней
Онъ дѣлаетъ на герцога доносъ, –
Иль въ этомъ онъ руководится долгомъ,
Какъ подданный, замѣтивъ въ немъ измѣну?

ГАНТЪ.

Насколько могъ я вывѣдать отъ сына,
Старинная вражда здѣсь ни при чемъ:
Для вашего величества опасность
Со стороны Маубрѣя видитъ онъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ позовите ихъ сюда: пусть въ нашемъ
Присутствіи, сойдясь лицомъ къ лицу,
Они свободно выскажутся оба.

(Нѣсколько лицъ изъ свиты уходятъ.)

Тотъ и другой – надменны, полны гнѣва;
Какъ море, глухи въ бѣшенствѣ своемъ,
Порывисты, какъ пламя.

(Свита возвращается съ Болинброкомъ и Норфолькомъ)

Болинброкъ.

Много лѣтъ
И счастья да ниспошлетъ судьба
Вамъ, государь, мой добрый повелитель!

72

Норфолькъ.

Пусть каждый день счастливейъ будетъ прежнихъ;
Пусть небеса, завидуя землѣ,
Безсмертіемъ украсятъ вашъ вѣнецъ!

Король Ричардъ.

Благодаримъ обоихъ; но одинъ
Намъ только льститъ, что ясно намъ изъ цѣли,
Призвавшей васъ: явились вы затѣмъ,
Чтобы взвести измѣну другъ на друга.
Кузень мой, Гирфордъ, что противъ Маубрѣя
Имѣешь ты сказать?

Болинброкъ.

Начну съ того
(И пусть мои слова на небесахъ
Запишутся): не по коварной злобѣ
Какой-нибудь, а лишь по чувству долга,
Въ моей любви и преданной заботѣ
О драгоценной жизни государя,
Я, въ царственномъ присутствіи его,
Являюсь теперь, какъ обвинитель.
За тѣмъ – къ тебѣ я обращаюсь, Норфолькъ,
И хорошо замѣть мои слова
(Что я скажу теперь – за то готовъ я
Здѣсь, на землѣ, моимъ отвѣтить тѣломъ,
А въ небесахъ – безсмертною душой):
Ты, негодяй, измѣнникъ, слишкомъ знатный
Для этихъ свойствъ и недостойной жизни:
Чѣмъ сводъ небесъ прозрачней и ясней,
Тѣмъ кажутся намъ безобразней тучи,
Летящія по синевѣ его.
Чтобы мое усилить обвиненье,
Вторично я тебѣ вбиваю въ ротъ
Презрѣнное названіе «измѣнникъ»
И, прежде чѣмъ отсюда тронусь я,

Мои слова, съ согласья государя,
Своимъ мечомъ желаю подтвердить.

Норфолькъ.

Пусть словъ моихъ холодность не послужить
Уликой мнѣ. Не бабья перебранка,
Не болтовня двухъ ѣдкихъ языковъ
Должна рѣшить споръ этотъ между нами.
Вотъ почему я долженъ охладить
На время пылъ моей горячей крови.
Однакожь, я хвалиться не могу
Терпѣніемъ такимъ невозмутимымъ,
Чтобъ, проглотивъ обиду, промолчать.
Почтенье къ вамъ, мой государь мѣшаетъ
Мнѣ волю дать моей свободной рѣчи, –
Иначе бы она неслась, покуда
Не возвратилъ бы я ему вдвойнѣ,
Не вбилъ бы въ ротъ названія «измѣнникъ».
И если бы онъ не былъ принцемъ крови,
Не состоялъ съ властителемъ моимъ
Въ такомъ родствѣ, – я вызвалъ бы его
И заплевалъ, назвавъ презрѣннымъ трусомъ
И подлецомъ; всѣ выгоды въ бою
Я напередъ ему бы предоставилъ,
И встрѣтился бы съ нимъ, хотя бы мнѣ
Пришлось итти до снѣжныхъ высей Альповъ,
Или въ другой безлюдный, дикій край,
Куда не смѣлъ проникнуть англичанинъ.
Теперь же пусть моей защитой будетъ
Лишь клятва въ томъ, что лжетъ онъ, нагло лжетъ.

Болинброкъ.

Дрожащій трусь. Бросаю я мой вызовъ,
Здѣсь отъ родства отрекшись съ королемъ,
Отъ царственной моей отрекшись крови, –
Ото всего, на что сослался ты
Изъ трусости, никакъ не изъ почтенья.
Когда въ тебѣ оставилъ подлый страхъ
Довольно силъ – поднять мою перчатку, –
То наклонись; какъ этимъ, такъ и всѣми
Обычаями рыцарства клянусь,
Готовъ съ тобой вступить я въ поединокъ,
Чтобъ доказать все сказанное мной
И все, что ты придумаешь гнуснѣе.

Норфолькъ.

Беру ее, и этимъ вотъ мечомъ,

Мнѣ рыцарство на плечи возложившимъ,
Клянусь, готовъ отвѣтить я тебѣ,
Какъ честь велитъ, какъ требуютъ уставы
И правила о рыцарскихъ судахъ.
И пусть съ коня я не сойду живой,
Когда вступлю въ несправедливый бой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Въ чемъ именно винишь ты Маубрѣя,
Кузень? Вина должна быть велика,
Чтобъ намъ внушить хоть мысль о немъ дурную.

БОЛИНБРОКЪ.

Такъ слушайте, – я жизнию моею
Ручаюсь въ томъ, что говорю я правду:
Что получилъ онъ восемь тысячъ ноблей,
Чтобъ вашего величества солдатамъ
Ихъ уплатить, но взялъ ихъ для себя,
Какъ негодяй, обманщикъ и измѣнникъ,
Чтобъ тратить ихъ на гнустное распутство.
Затѣмъ скажу, – и докажу въ бою,
Здѣсь, или гдѣ бъ то ни было, куда
Взоръ англійскій не достигалъ ни разу, –
Что всѣхъ крамолъ, замысленныхъ въ странѣ
Въ послѣдніе восемнадцать лѣтъ, онъ былъ
Зачинщикомъ и первымъ головою.
За тѣмъ скажу – и доказать готовъ
Мои слова его позорной жизнью –
Что Глостера насильственная смерть –
Его вина: онъ заговоръ составилъ,
Подбилъ его довѣрчивыхъ враговъ –
И герцога невинная душа
Изсякнула въ потокахъ жаркой крови.
И эта кровь, какъ Авелева кровь,
Изъ нѣдръ земли безмолвныхъ вопіетъ

73

Теперь ко мнѣ о правосудной карѣ,
О мщеніи. Я совершу его,
Или умру; клянуся въ этомъ славой,
Которую стяжалъ мой знатный родъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ высоко паритъ его рѣшимость!

Что скажешь ты на это, Томасъ Норфолькъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Пусть государь мой отвратить лицо,
Своимъ ушамъ быть повелить глухими,
Покамѣсть я не расскажу позора,
Что кровь ему родную запятналъ;
Покамѣсть я не выскажу – какъ Богъ
И честные всѣ люди ненавидятъ
Столь гнуснаго, презрѣннаго лжеца!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Маубрэй, мой слухъ и зрѣнье безпристрастны;
Будь онъ мой братъ, будь онъ наслѣдникъ трона
(Онъ лишь кузень, сынъ дяди моего), –
Я скипетромъ моимъ клянусь, что близость
Подобная къ священной нашей крови
Ему бы правъ особыхъ не дала
И твердости души моей правдивой
Къ пристрастію склонить бы не могла.
Онъ подданный, такъ точно какъ и ты,
И я тебѣ дарую позволенье –
Все высказать, безъ страха и стѣсненья.

НОРФОЛЬКЪ.

Такъ я скажу, что лжешь ты, Болинброкъ,
Изъ глубины предательскаго сердца,
Фальшивою гортанію своей.
Изъ суммы той три четверти – въ Кале
Я выплатилъ солдатамъ государя,
Остатокъ взялъ себѣ, съ его согласья:
Его величество мнѣ долженъ былъ
По одному, весьма большому счету,
Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній ѣздилъ разъ
Во Францію, за нашей королевой.
На, проглоти ты эту ложь свою.
Смерть Глостера... Я не повиненъ въ ней;
Лишь, къ моему позору, въ этомъ дѣлѣ
Не выполнилъ я долга моего.
Предъ вами, благородный Ланкастеръ,
Отецъ почтенный моего врага,
Я виноватъ: на вашу жизнь однажды
Я посягнулъ, – и этотъ тяжкій грѣхъ
Меня гнететъ, мнѣ удручаетъ душу;
Но, предъ моимъ послѣднимъ причащеньемъ,
Покаялся я въ немъ, и лично
У васъ самихъ прощенія просилъ, –

И получилъ его, надѣюсь. Что же
Касается до прочихъ обвиненій,
Источникъ ихъ – лишь злоба негодяя,
Измѣнника и подлаго лжеца.
Мои слова я защищать намѣренъ,
И этому предателю къ ногамъ
Я, въ свой чередъ, бросаю смѣлый вызовъ,
Чтобъ доказать, на самой лучшей крови
Въ его груди, что честный я джентльмэнъ.
И, торопясь покончить, умоляю
Васъ, государь, назначить день, когда
Явится намъ, для нашего суда.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вы, злобою кипящіе джентльмэны!
Послушайтесь совѣта моего:
Пусть этотъ гнѣвъ безъ крови изольется.
Хоть мы не врачъ, но это врачеванье
Предпишемъ вамъ; глубоко слишкомъ раны,
Чинимыя глубокою враждой.
Забудьте все, простите, помиритесь,
Покончите; врачи намъ говорятъ,
Что кровь пускать теперь не время. – Дядя,
Пусть кончится все тамъ, гдѣ началось;
Мы Норфолька беремъ успокоить,
А вы уймите сына.

ГАНТЬ.

Мнѣ прилично,
Въ мои лѣта, быть миротворцемъ. Сынъ мой,
Брось Норфолька перчатку.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты же, Норфолькъ,
Брось Гирфорда залогъ.

ГАНТЬ.

Что жъ медлишь, Гэрри?
Обязанъ ты послушаться тотчасъ,
Некстати бы мнѣ повторять приказъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Брось, Норфолькъ, мы тебѣ повелѣваемъ:
Противиться – напрасно.

НОРФОЛЬКЪ.

Государь,

Я самъ теперъ къ твоимъ ногамъ бросаюсь,
Ты господинъ надъ жизнію моею,
Но наноситъ позоръ мнѣ – ты не властенъ.
Жизнь отдавать тебѣ – велитъ мнѣ долгъ,
Но имени безъ пятенъ и упрека,
Которое меня переживетъ,
Я не отдамъ тебѣ на поруганье.
Я обвиненъ, униженъ, посрамленъ,
Пронзенъ копьемъ, отравленнымъ позора,
И никакимъ бальзамомъ не могу
Быть исцѣленъ, а только кровью сердца,
Которое извергло этотъ ядъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Безумный гнѣвъ я долженъ обуздать.
Маубрэй, отдай мнѣ Гирфорда залогъ:
Львы дѣлаютъ ручными леопардовъ.

НОРФОЛЬКЪ.

Но пятенъ ихъ не могутъ измѣнить.
Возьми мой стыдъ, – тогда его перчатку
Я возвращу. Мой дорогой властитель,
Чистѣйшее сокровище при жизни –

74

Честъ безъ пятна; и человекъ безъ ней –
Лишь глины комъ, покрытый позолотой,
Или кусокъ раскрашенной земли.
Отважный духъ въ правдивомъ сердцѣ, это –
Жемчужина, которую должны мы
За десятью запорами хранить.
Честъ – жизнь моя; въ одно слилися обѣ:
Возьмите честъ – и жизнь утрачу я.
Мой дорогой властитель, эту честъ
Позвольте мнѣ подвергнуть испытанью:
Я съ ней живу, и за нее умру!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузенъ, начни: брось герцога перчатку.

БОЛИНБРОКЪ.

Избави Богъ отъ этого грѣха!
Ужели я явиться долженъ трусомъ
Въ глазахъ отца? Иль, въ блѣдномъ, жалкомъ страхѣ,

Унизиться предъ дерзкимъ подлецомъ?
Нѣтъ, прежде чѣмъ языкъ мой уязвить
Мнѣ честь мою постыднымъ малодушьемъ,
Или подастъ сигналъ для примиренья, –
Я оторву зубами этотъ органъ
Отъ словъ своихъ отрекшагося страха,
И выплюну его въ крови, со срамомъ,
Туда, гдѣ срамъ живетъ: въ лицо Маубрѣя!

(Гантъ уходитъ).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мы созданы не для того, чтобы
Упрашивать, а чтобъ повелѣвать.
А такъ какъ мы васъ помирить не можемъ,
То вы должны, подъ страхомъ смертной казни,
Явиться въ день Ламберта въ Ковентри:
Тамъ разрѣшать мечи и копья ваши
Свирѣпый споръ закоренѣлой злобы.
Пусть праваго укажетъ Божій судъ,
Пославъ его оружію побѣду.
Распорядитесь, маршалъ, чтобъ герольды
Готовились къ назначенному дню
Руководить домашней этой битвой.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Въ домѣ герцога Ланкастерскаго.

Входятъ ГАНТЬ и ГЕРЦОГИНЯ ГЛОСТЕРСКАЯ.

ГАНТЬ.

О, съ Глостеромъ столь близкое родство
Сильнѣе, чѣмъ всѣ ваши восклицанья,
Внушаютъ мнѣ – вооружиться противъ
Его убійцъ. Но такъ какъ наказанье
Въ рукахъ того, кто совершилъ вину,
И мы ее поправить ужъ не можемъ,
То предадимъ ее на волю Неба:
Когда найдетъ оно удобнѣйшій часъ,
То мщеніе, пылающимъ дождемъ,
На головы преступниковъ низвергнетъ.

ГЕРЦОГИНЯ ГЛОСТЕРСКАЯ.

Ужель въ тебѣ такъ слабы чувства брата,
Что ихъ ничѣмъ нельзя расшевелить?

Ужели нѣтъ въ твоей крови ни искры
Живой любви? Семь сыновей Эдварда –
Ты въ ихъ числѣ – то были семь сосудовъ,
Наполненныхъ его священной кровью,
Иль семь вѣтвей отъ корня одного.
Изъ семерыхъ ужъ нѣсколькихъ не стало:
Сосуды тѣ природа изсушила,
Иль вѣтви тѣ порублены судьбой;
Но Томась, мужъ мой, жизнь моя, мой Глостеръ,
Сосудъ съ священной кровью Эдуарда,
Цвѣтущій дубъ отъ царственнаго корня,
Разбитъ, лишася безцѣнной этой влаги,
Сваленъ во всемъ уборѣ лѣтнихъ листьевъ,
Рукой вражды, сѣкирою убійцы!
О, Гантъ, вѣдь, кровь его была твоя;
То ложе, та утроба, сила, форма –
Все, изъ чего образовался ты,
И Глостера сформировали въ мужа;
И, несмотря на то, что ты живешь,
Ты въ немъ убить. Ты какъ бы согласился
На смерть отца, терпя убійство брата,
Который былъ подобіемъ его.
Не называй терпѣньемъ это, Гантъ;
Отчаянье одно я въ этомъ вижу:
Перенося покорно гибель брата,
Открытый путь указываешь ты
Къ своей груди, убійцу научая –
Какъ можетъ онъ зарѣзать и тебя.
Что мы зовемъ терпѣньемъ въ людяхъ низкихъ,
То – трусость лишь для благородныхъ душъ.
Что мнѣ сказать еще? Вѣрнѣйшій способъ,
Чтобъ жизнь свою обезопасить, это –
За Глостера убійцамъ отомстить.

Г А Н Т Ъ .

Не властны мы; вина подсудна Богу:
Его слуга, намѣстникъ, представитель,
Помазанникъ смерть эту причинилъ;
И если тѣмъ онъ сдѣлалъ преступленье –
Пусть Небо мститъ, я не могу возстать
Противъ того, чья власть исходитъ свыше.

Г Е Р Ц О Г И Н Я .

Кому жъ должна я жаловаться?

Г А Н Т Ъ .

Богу,

Заступнику, защитнику вдовиць.

ГЕРЦОГИНЯ.

Пожалуюсь. Прощай же, старый Гантъ.
Ты въ Ковентри собираешься, чтобъ видѣть
Бой Гирфорда съ свирѣлымъ Маубрѣемъ:
О, пусть же всѣ неправды противъ мужа

75

Племянника копьѣ такъ укрѣпятъ,
Чтобы оно пронзило грудь убійцы;
Иль, въ случаѣ невѣрнаго удара,
Пусть всѣ грѣхи Маубрѣя отягчатъ
Такъ эту грудь, чтобы они сломили
Его коня дымящійся хребетъ,
А всадника низвергли на арену.
Прощай, старикъ; скорбь – спутница моя,
И съ нею жизнь должна окончить я.

ГАНТЪ.

Прощай, сестра, я въ Ковентри спѣшу;
Пусть счастье съ тобой здѣсь пребываетъ,
Какъ и со мной въ пути.

ГЕРЦОГИНЯ.

Еще два слова, –
Печаль – что мячъ: упавъ, подпрыгнетъ снова
Отъ тяжести, а не отъ пустоты.
Прощаюсь я, не высказавъ, что нужно,
Такъ какъ печаль кончаетъ не тогда,
Когда она какъ будто истощилась.
Прошу тебя поклонъ мой передать
Тамъ деверю, Эдмонту Лэнгли Юрку.
Ну, это все... Нѣтъ, подожди еще;
Хоть это все, не уѣзжай такъ скоро;
Припомнить дай... Проси его,.. о чемъ?
Да! чтобъ скорѣй, какъ можно, навѣстилъ
Меня онъ въ Плэши. Но – увы! – къ чему?
Что тамъ увидитъ добрый, старый Юркъ?
Домъ, весь пустой, незанятая службѣ,
Рядъ голыхъ стѣнъ и плиты, по которымъ
Не ходитъ ужъ никто... Какой привѣтъ
Услышитъ онъ, за исключеньемъ стоновъ?
Такъ поклонись ему; но пусть туда

Не ѣдетъ онъ, чтобъ тамъ искать печали:
Она живеть повсюду. Одиноко
Я удалюсь отсюда и умру.
Мнѣ горько, горько, – слезы льютъ изъ глазъ...
Прощаюсь я съ тобой въ послѣдній разъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Госфордъ Гринъ открытое пространство близъ Ковентри. Арена и тронъ. Герольды и другія должностныя лица.

Входятъ ЛОРДЪ МАРШАЛЬ и ОМЕРЛЬ.

МАРШАЛЬ.

Милордъ Омерль, вооружень ли Гирфордъ?

ОМЕРЛЬ.

Да, съ головы до ногъ; и съ нетерпѣньемъ
Войти сюда желаетъ.

МАРШАЛЬ.

Герцогъ Норфолькъ
Ждетъ лишь трубы противника призывной.
Онъ бодръ и смѣлъ.

ОМЕРЛЬ.

Готовы значить, оба,
И только ждуть прибытья короля.

Звуки трубъ. Входятъ: КОРОЛЬ РИЧАРДЪ и нѣсколько лордовъ; король садится на тронъ, лорды занимаютъ свои мѣста. Звучитъ труба; ей отвѣчаетъ другая за сценой. Входитъ НОРФОЛЬКЪ въ боевыхъ доспѣхахъ, предшествуемый герольдомъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Вонъ у того бойца спроси, лордъ маршалъ:
Зачѣмъ пришелъ сюда, вооруженный,
Кто онъ такой, и въ правотѣ его,
По правиламъ, возьми съ него присягу.

МАРШАЛЬ *(Норфольку)*.

Во имя Бога, короля, скажи –
Кто ты такой, зачѣмъ сюда явился
Въ оружїи, противъ кого пришелъ,
Въ чемъ состоитъ твой споръ. Отвѣть по правдѣ,
По-рыцарски, подъ клятвою, – и пусть
Тебѣ пошлетъ свою защиту Небо!

НОРФОЛЬКЪ.

Я – Томась Маубрэй и герцогъ Норфолькъ;
Явился здѣсь, согласно данной клятвѣ,
(Храни Господь отъ нарушенья клятвѣ!)
Чтобъ защищать мою здѣсь вѣрность Богу
И королю, съ потомствомъ нисходящимъ.
По вызову отъ герцога Гирфорда,
И доказать при помощи Господней,
Съ оружіемъ въ рукахъ, что онъ – измѣнникъ
Предъ Богомъ, королемъ и предо мной.
Клянусь, я правъ, – пусть мнѣ поможетъ Небо!

(Садится.)

Звучитъ труба. Входитъ Болинброкъ, предшествуемый герольдомъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

У рыцаря того спроси лордъ-маршалъ:
Кто онъ такой, зачѣмъ сюда явился,
Закованный въ доспѣхи боевые,
Противъ кого, и, по законамъ нашимъ,
Вели ему, какъ должно, присягнуть,
Что правое онъ защищаетъ дѣло.

МАРШАЛЪ.

Кто ты такой, зачѣмъ явился ты
Предъ королемъ, здѣсь на его арену,
Противъ кого, и въ чемъ твой споръ? Отвѣтъ
По истинѣ, какъ настоящій рыцарь,
И да пошлетъ тебѣ защиту Небо!

БОЛИНБРОКЪ.

Я – Гэрри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дэрби;
Явился здѣсь, съ оружіемъ въ рукахъ,
Чтобъ доказать, при помощи Господней
И храбрости моей, что герцогъ Норфолькъ,
Томъ Маубрэй – презрѣнный и опасный
Измѣнникъ предъ Владыкою небесъ,

76

Предъ королемъ, а также предо мной.
И такъ какъ я вступаю въ бой за правду,
Пусть мнѣ пошлютъ защиту Небеса!

МАРШАЛЪ.

Пусть не дерзнетъ никто, подъ страхомъ смерти,

Входить сюда въ ограду, на арену,
За исключеньемъ маршала и тѣхъ,
Кто наблюдать назначенъ за порядкомъ.

Болинброкъ.

Позвольте мнѣ, лордъ маршалъ, преклонить
Передъ его величествомъ колѣно
И руку мнѣ его поцѣловать:
Вѣдь, оба мы – и Маубрэй и я –
Подобны тѣмъ отважнымъ пилигримамъ,
Которые идутъ по обѣщанью
Въ далекій путь. За тѣмъ, позвольте мнѣ
Откланяться моимъ друзьямъ и близкимъ
И имъ сказать сердечное «прости».

Маршалъ.

Къ вамъ, государь, взываетъ обвинитель:
Онъ проситъ позволенья – вашу руку
Поцѣловать и съ близкими проститься.

Король Ричардъ.

Такъ мы сойдемъ, чтобы обнять кузена.
Вступаешь ты, кузень мой, въ правый бой:
Пусть счастье пребудетъ въ немъ съ тобой.
Прощай, мой кровный; если въ томъ бою,
Сегодня кровь ты изольешь свою,
Слезамъ мы тогда тебя помянемъ,
Но мстить за смерть убитаго не станемъ.

Болинброкъ.

О, пусть никто напрасныхъ слезъ не льетъ,
Когда меня пронзитъ копье Маубрэя:
Какъ сокола за птицею полетъ,
Увѣрень мой полетъ противъ злодѣя.

(Маршалу.)

Мой добрый лордъ, прощаюсь съ вами я,
И съ вами также, лордъ Омерль, кузень мой;
Не грустенъ я, хоть смерть передо мной,
А бодръ и юнъ, и веселъ. – А теперь...

(Ганту.)

На англійскихъ пирахъ изъ многихъ блюдъ
Вкуснѣйшее послѣднимъ подають:
Такъ точно я оставилъ подъ конецъ
Прощаніе съ тобою, мой отецъ.
О, ты, земной виновникъ дней моихъ,

Чей юный духъ, воскреснувшій во мнѣ,
Двойную мощь даетъ мнѣ для побѣды, –
Мою броню молитвой закали,
Мое копьё – твоимъ благословеньемъ,
Чтобы оно пробилось сквозь нагрудникъ
Противника; чтобъ имя Джона Ганта
Пріобрѣло въ той битвѣ новый блескъ,
Отъ доблести его роднаго сына.

ГАНТЬ.

Пусть Небеса пошлютъ тебѣ успѣхъ!
Какъ молнія стремителенъ будь въ битвѣ
И пусть твои удары, точно громъ,
Низвергнутся, гремя безъ перерыва,
На шлемъ врага, кровь юную свою
Взволнуй, будь храбръ и быстръ.

БОЛИНБРОКЪ.

Святой Георгій
И правота моя помогутъ мнѣ!

НОРФОЛКЪ (*вставая*).

Какой бы мнѣ теперь не вышелъ жребій,
Ниспосланный мнѣ Богомъ иль судьбой, –
Во мнѣ живетъ иль умираетъ, честный
И вѣрный трону Ричарда джентльмэнъ.
И никогда освобожденный узникъ
Не сбрасывалъ своихъ цѣпей неволи,
И радости свободы золотой
Не отдавался съ большимъ упоеньемъ,
Чѣмъ я теперь, ликующей душой,
Привѣтствую грядущій праздникъ битвы
Съ моимъ врагомъ. Великій государь,
А также вы, мои собратья пэры,
Изъ устъ моихъ примите пожеланья
Счастливыхъ лѣтъ. Веселый и живой,
Какъ на потѣху, выхожу на бой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прощай, милордъ; спокойно вижу я
Въ твоихъ глазахъ и мужество, и доблесть.
Распорядитесь, маршалъ: пусть начнутъ.

(Король и лорды возвращаются на свои мѣста.)

МАРШАЛЬ.

Принцъ Гэрри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дэрби,

Бери копье. Богъ правому защита!

БОЛИНБРОКЪ.

Какъ башня твердъ въ надеждѣ, восклицаю:
Аминь!

МАРШАЛЬ (*одному изъ приставовъ*).

Копье вотъ это отнеси
Ты Норфолькскому герцогу, Маубрѣю.

ПЕРВЫЙ ГЕРОЛЬДЪ.

Вотъ Гэрри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дэрби;
Стоитъ онъ здѣсь, предъ Богомъ, государемъ
И предъ собой, подъ страхомъ обличенья
Его во лжи и низкомъ вѣроломствѣ,
Чтобъ доказать, что Томасъ, герцогъ Норфолькъ –
Измѣнникъ предъ Богомъ, королемъ
И передъ нимъ. Зоветъ его онъ въ битву.

ВТОРОЙ ГЕРОЛЬДЪ.

Вотъ герцогъ Норфолькъ, Томасъ Маубрѣй.
Стоитъ онъ здѣсь, предъ Богомъ, государемъ
И предъ собой, подъ страхомъ обличенья
Его во лжи и низкомъ вѣроломствѣ,
Чтобъ защищать себя и доказать,
Что Генри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дэрби –
Предъ Богомъ, королемъ и имъ безчестень.

77

Съ отвагою и пламеннымъ желаньемъ
Сигнала лишь онъ ждетъ, чтобы начать.

МАРШАЛЬ.

Трубить сигналъ; а вы, бойцы, впередъ!

(*Трубы.*)

Стой! государь жезлъ бросилъ на арену.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Велите имъ снять шлемы, бросить копья
И на свои мѣста опять садиться.

(*лордамъ, удаляясь.*)

Идите съ нами; трубы пусть трубятъ,
Покуда мы сюда не возвратимся,

Чтобъ объявить бойцамъ нашъ приговоръ.

*(Продолжительные звуки трубъ. Король удаляется съ Гантомъ и другими лордами для совѣщанія;
затѣмъ, возвратясь, противникамъ:)*

Приблизьтесь къ намъ и выслушайте – что
Въ совѣтѣ нашемъ мы постановили:
Въ виду того, что почва королевства
Быть не должна забрызгана той кровью,
Которую взлелѣяла она;
Въ виду того, что зрѣлище ужасныхъ,
Сосѣдскими мечами нанесенныхъ,
Междоусобныхъ ранъ намъ ненавистно;
Въ виду того, что гордостью крылатой
Заносчивыхъ, честолюбивыхъ думъ,
Своей враждой, сопернической злобой,
Грозите вы нарушить тихій миръ,
Что въ колыбели Англїи родной
Спитъ сладкимъ сномъ невиннаго младенца;
Въ виду того, что страшный трубный звукъ,
Желѣзнаго оружїя удары
И барабановъ грохотъ, пробудивъ
Въ предѣлахъ нашихъ грозную тревогу,
Могли бъ спугнуть изъ нихъ глубокой миръ,
И, можетъ-быть, заставили бы насъ
И до родной своей добратся крови, –
Мы изгоняемъ васъ изъ королевства.
До той поры, пока его поля
Не принесутъ десятилѣтней жатвы,
Вы, мой кузень, подъ страхомъ смертной казни,
О родинѣ не смѣйте помышлять,
Идя стезей невѣдомой изгнанья.

Болинброкъ.

Исполнена да будетъ ваша воля.
Отрадою моей должна быть мысль,
Что солнце, здѣсь васъ грѣющее, будетъ
Грѣть и меня; что эти золотые
Лучи его, сіяющіе вамъ,
И на меня тамъ будутъ изливаться
И золотить изгнаніе мое.

Король Ричардъ.

Тебѣ, Маубрэй, суровѣй выпалъ жребій,
И нехотя я объявлю его.
Медлительно идущими часами
Не будешь ты высчитывать – когда
Придетъ конецъ твоей безсрочной ссылки;

Въ рѣшеніи, постигнувшемъ тебя,
Надежды нѣтъ: подѣ страхомъ смертной казни,
Не долженъ ты вернуться никогда.

НОРФОЛЬКЪ.

О, государь, тяжель вашъ приговоръ;
Изъ вашихъ устъ, притомъ, онъ неожиданъ.
Я лучшаго достоинъ воздаянья,
Не заслужилъ отъ васъ я этой кары –
Безжалостно быть выброшеннымъ вонъ.
Родной языкъ, которому учился
Я сорокъ лѣтъ, придется мнѣ забыть;
Языкъ во рту теперь мнѣ бесполезенъ:
Онъ все равно, что скрипка, или арфа
Безъ струнъ своихъ; то хитрый инструментъ
Назаперти, или въ рукахъ незнайки,
Что не умѣетъ изъ него извлечь
Гармоніи. Вы заперли его
Зубовъ и губъ моихъ двойнымъ запоромъ,
И, въ качествѣ тюремщика, ко мнѣ
Приставлено невѣжество – тупое,
Глубокое, безъ смысла и безъ чувствъ.
Я слишкомъ старъ, чтобы ходить за нянькой,
Не по лѣтамъ мнѣ быть ученикомъ;
Рѣчь у меня родную отнимая,
Вашъ приговоръ.., не смерть ли онъ нѣмая?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Объявленъ онъ; затѣмъ – слова печали
И жалобы твои ужъ запоздали.

НОРФОЛЬКЪ.

Итакъ, для свѣта родины моей
Я принужденъ закрыть отнынѣ очи
И жить среди торжественныхъ тѣней.
Томительной и безконечной ночи!

(Хочетъ уйти.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Постой, вернись, чтобъ клятву дать одну.

(Обоимъ изгнанникамъ.)

Кладите ваши изгнанныя руки
На королевскій мечъ нашъ и клянитесь
Предъ Богомъ (мы себя здѣсь изгоняемъ,
Какъ мы изгнали васъ) сдержатъ все то,

Въ чемъ мы теперъ возьмемъ отъ васъ присягу:
Вы никогда не будете въ изгнаньи.
Между собой сходиться, какъ друзья,
Ни кланяться, ни видѣться другъ съ другомъ,
Ни заводить взаимно переписку,
Ни усмирять въ себѣ ту бурю злобы,
Ту ненависть, что зародилась дома!
Вы никогда не вступите въ союзъ
Для замысловъ враждебныхъ, для крамоль
Противу насъ, противъ державы нашей,
Или страны, иль нашего народа.

Болинброкъ.

Клянусь.

Норфолькъ.

И я клянусь сдержать все это.

78

Болинброкъ.

Какъ врагъ къ тебѣ я обращаюсь, Норфолькъ:
Когда бы намъ позволилъ государь,
То въ этотъ часъ одна изъ нашихъ душъ,
Бывъ изгнана изъ брэнной нашей плоти,
Блуждала бы въ эфирѣ. Такъ какъ нынѣ
Подвергнулась изгнанью наша плоть,
То, прежде чѣмъ оставить королевство,
Сознайся здѣсь во всѣхъ твоихъ измѣнахъ.
Твой путь далекъ: не уноси съ собой
Ты бремени въ душѣ своей преступной.

Норфолькъ.

Нѣтъ, Болинброкъ, нѣтъ; если я когда
Виновенъ былъ въ измѣнѣ – пусть мое
Изъ книги жизни вычеркнется имя;
Пусть буду я такъ изгнанъ и съ небесъ,
Какъ я теперъ отсюда изгоняюсь.
Но что ты самъ такое Гирфордъ – это
Извѣстно Богу и тебѣ, и мнѣ;
И, я боюсь, объ этомъ слишкомъ скоро
Съ прискорбіемъ узнаетъ и король.
Прощайте же, властитель мой. Теперъ
Мой путь – весь міръ: съ дороги мнѣ не сбиться.

Лишь въ Англiю нельзя мнѣ возвратиться.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (Ганту).

Чрезъ стекла глазъ твоихъ я вижу, дядя,
Что сердце у тебя удручено:
Твой грустный видъ – отъ срока ссылки сына
Четыре года отнялъ.
(Болинброку) Чрезъ шесть лѣтъ
На родину ты можешь возвратиться.

БОЛИНБРОКЪ.

Сколь долгій срокъ въ одной короткой фразѣ!
Четыре ужъ томительныхъ зимы
И столько же роскошныхъ весень – съ нею
Окончились, – таковъ языкъ монарховъ!

ГАНТЬ.

Благодарю васъ, государь, за милость,
Которую вы оказали сыну,
Изъ добраго вниманiя къ отцу.
Но для меня отъ ней не много пользы:
Вѣдь прежде чѣмъ пройдетъ еще шесть лѣтъ,
Въ свѣтильникѣ моемъ угаснетъ свѣтъ,
Послѣднiй дюймъ свѣчи моей сгоритъ,
Я буду тьмой глубокою покрытъ:
Я слишкомъ старъ, близка моя кончина,
Слѣпая смерть не дастъ мнѣ видѣть сына.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну, полно, дядя, – много лѣтъ еще
Ты проживешь.

ГАНТЬ.

Но ни одной минуты,
Которую ты могъ бы дать, король.
Ты можешь дни мои убавить горемъ,
Лишить меня моихъ ночей, но утра
Ни одного не властенъ даровать.
И времени способствовать ты можешь
Мое чело морщинами покрытъ,
Но ни одной изъ нихъ не уничтожишь,
Не въ силахъ ты ихъ ростъ остановить.
Въ союзѣ съ нимъ, твое могуче слово,
Чтобъ довести до смертнаго конца;
Но мертвому не купить жизни снова

Цѣной твоихъ владѣній и вѣнца!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сынъ изгнанъ твой по общему совѣту,
Въ вердиктѣ томъ участвовалъ твой голосъ:
Такъ почему жъ теперь на приговоръ нашъ
Такъ хмуришься, повидимому, ты?

ГАНТЬ.

Что кажется намъ сладкимъ на языкъ,
То кислоту въ желудкѣ производитъ.
Вы требовали мнѣнья отъ меня,
Какъ отъ судьбы; но я желалъ бы лучше,
Чтобъ вы меня спросили, какъ отца.
О, если бъ онъ былъ мнѣ чужимъ, не сыномъ,
Тогда бы я смягчилъ его вину
И не былъ бы такъ строгъ. Но тутъ –
Пристрастія старался я избѣгнуть,
И жизнь мою убилъ вашъ приговоръ.
Увы! я ждалъ, чтобъ кто-нибудь изъ васъ
Замѣтилъ мнѣ, что слишкомъ строгъ я къ сыну,
Но моему вы дали языку –
Какъ ни было то мнѣ прискорбно, больно –
Свободу – вредъ мнѣ нанести невольно.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузень, прощай; простись и ты съ нимъ, дядя.
Онъ изгнанъ – и отправится въ свой путь.

(Трубы. Король Ричардъ и свита уходятъ.)

ОМЕРЛЬ.

Прощайте, мой кузень. Оттоль, гдѣ жить
Вы будете, пишите намъ о томъ,
Чего теперь вы намъ не досказали.

МАРШАЛЬ.

А я еще не расстаюся съ вами:
Я провожу васъ до моря, милордъ.

ГАНТЬ.

Зачѣмъ ты такъ скупишься на слова
И на привѣтъ друзей не отвѣчаешь?

БОЛИНБРОКЪ.

Не достаетъ мнѣ словъ – проститься съ вами.
И языку не высказать всю горечь,
Которая мнѣ сердце тяготитъ.

Г А Н Т Ъ .

Твоя печаль – отлучка лишь на время.

Б О Л И Н Б Р О К Ъ .

Печаль при насъ, когда въ отлучкѣ радость.

Г А Н Т Ъ .

Ну, много ли – шесть лѣтъ? Они промчатся.

Б О Л И Н Б Р О К Ъ .

Да, для того, кто въ радости живетъ;

79

Но въ горести часъ тянется, какъ десять.

Г А Н Т Ъ .

Считай свое изгнанье лишь прогулкой
Веселою.

Б О Л И Н Б Р О К Ъ .

Нѣтъ, сердце возмутится,
Когда такъ ложно назову я то,
Что для него – невольное скитанье.

Г А Н Т Ъ .

Угрюмый путь твоихъ усталыхъ ногъ
Оправою считай, куда ты вставишь
Прекрасную жемчужину возврата
На родину изъ дальней стороны.

Б О Л И Н Б Р О К Ъ .

Нѣтъ, каждый шагъ напоминать мнѣ будетъ –
Какъ далеко зашелъ я отъ жемчужинъ,
Которыя такъ дороги мнѣ здѣсь.
Не долженъ ли шесть лѣтъ я приучаться
Къ чужимъ странамъ, чтобы, въ концѣ концовъ,
Когда придетъ желанная свобода,
Похвастаться я могъ лишь тѣмъ однимъ,
Что былъ я тамъ поденщикомъ печали?

Г А Н Т Ъ .

Всѣ мѣстности, гдѣ только свѣтитъ солнце,
Суть гавани и порты мудреца;
Такъ разсуждать тебя необходимость

Должна учить – большая это сила!
Не думай, что тебя изгналъ король,
Вообрази, что онъ тобою изгнанъ.
Несчастье тамъ сильнѣе насъ гнететь,
Гдѣ видить, что ему мы поддаемся.
Представь себѣ, что это я тебя
Послалъ – искать почета на чужбинѣ,
Или, что здѣсь свирѣпствуетъ чума –
И ты бѣжалъ отъ ней въ здоровый климатъ.
Воображай, что все, чѣмъ дорожить
Твоя душа, находится съ тобой
Тамъ, а не здѣсь, откуда ты явился.
Воображай, что птицы – музыканты,
Лугъ, гдѣ идешь – коверъ парадной залы,
Цвѣты кругомъ – толпа красивыхъ женщинъ
И, наконецъ, что всѣ твои шаги –
Движенье въ тактъ, или веселый танецъ.
Власть горести не слишкомъ зазнается
Съ тѣмъ, кто надъ ней презрительно смѣется.

Болинброкъ.

Кто вытерпитъ огонь въ своей рукѣ,
Посредствомъ думъ о ледяномъ Кавказѣ?
Иль голодъ свой кто сможетъ утолить
Мечтаньями о пиршествѣ роскошномъ?
Иль въ декабрѣ валяться на снѣгу,
Нагой, себѣ вообразивши лѣто?
Нѣтъ, помыслы о томъ, что хорошо,
Насъ дѣлають чувствительнѣй къ дурному:
Зубъ горести грызетъ тогда больнѣй,
Когда изъ ранъ исхода нѣтъ у ней.

Гантъ.

Ну, полно, сынъ; вотъ что скажу тебѣ:
Въ твои лѣта, будь на твоёмъ я мѣстѣ,
Не сталъ бы я такъ унывать, какъ ты.

Болинброкъ.

Итакъ, прощай, родная сторона,
Мнѣ милая и дорогая почва,
Ты, мать моя и нянька, что меня
Еще несешь! Однимъ могу хвалиться:
Хоть изгнанъ я, но гдѣ бъ я не блуждалъ –
Я истинный, природный англичанинъ.

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната во дворцѣ короля.

Входятъ, съ одной стороны, Король Ричардъ, Бэготъ и Гринъ, съ другой – Омерль.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, это мы замѣтили... Омерль,
Какъ далеко надменнаго Гирфорда
Ты провожалъ?

ОМЕРЛЬ.

Надменнаго Гирфорда,
Когда его вамъ такъ угодно звать,
Я проводилъ лишь до большой дороги.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А много тамъ пролито было слезъ?

ОМЕРЛЬ.

Мной – ни одной; а только рѣзкій нордъ-вестъ
Намъ дулъ въ лицо, нагналъ онъ сильный насморкъ,
И, черезъ то, сухое разставанье
Украсилось случайною слезой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что говорилъ кузень, прощаясь съ вами?

ОМЕРЛЬ.

Сказалъ: «прощай». Но такъ какъ мнѣ претило
Сквернить то слово празднымъ языкомъ,
То принялъ я такой печальный видъ,
Какъ будто я совсѣмъ подавленъ горемъ,
Такъ что слова мои, казалось, были
Въ могилѣ скорби злой погружены.
Сказать по правдѣ: если бъ это слово
«Прощай» могло продлить его часы,
Прибавить лѣтъ къ его короткой ссылкѣ,
То много бъ онъ прощаній получилъ;
Но такъ какъ нѣтъ подобнаго въ нихъ свойства,
То не далъ я ему ни одного.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузень, онъ нашъ кузень, но сомнѣваюсь,
Чтобъ, возвратясь изъ ссылки, навѣстилъ онъ
Своихъ друзей. Замѣтили мы сами,
И видѣли то Бэготъ, Буши, Гринъ,
Какъ ластился къ простому онъ народу:

Казалось, онъ въ сердца людей вползаль,
 Униженной и панибратской лаской.
 Мы видѣли – какіе онъ поклоны
 Глубокіе отвѣшиваль рабамъ,
 Какъ вкрадчивой улыбкою своею,
 Смиренною покорностью судьбъ,
 Мастеровымъ понравиться старался,
 Какъ будто бы желая унести
 Всю ихъ любовь съ собой, въ свое изгнанье.
 Онъ шляпу сняль предъ устричной торговкой,
 Когда же два иль три ломовика
 Ему вскричали: «Богъ вамъ помощи!» –
 То, гибкое колѣно преклонивъ,
 «Благодарю васъ, земляки, друзья!»
 Онъ отвѣчалъ, – какъ будто королевство
 Достанется ему, какъ будто онъ –
 Ближайшая надежда намъ подвластныхъ.

Гринъ.

Уѣхаль онъ; а съ нимъ должны исчезнуть
 И эти мысли. А теперь – насчетъ
 Мятежниковъ ирландскихъ: противъ нихъ
 Немедленно должны принять мы мѣры,
 Чтобъ, вашему величеству во вредъ,
 Силь мятежа отсрочкой не умножить.

Король Ричардъ.

Отправимся мы сами на войну.
 А такъ какъ наши сундуки теперь
 Довольно пусты (при большомъ дворѣ,
 При щедрости), то мы принуждены
 На откупъ сдать все наше королевство.
 Доходъ съ него покроетъ наши нужды
 На первый разъ; а если будетъ мало,
 То мы дадимъ открытые листы
 Намѣстникамъ, оставленнымъ здѣсь дома,
 Чтобы они богатыхъ заставляли
 Въ нихъ вписывать большія суммы намъ,
 И золото, собравши, отправляли
 Въ Ирландію, куда теперь мы ѣдемъ.

(Входитъ Буши.)

Король Ричардъ.

Какія вѣсти, Буши?

Буши.

Старый Гантъ
Внезапно заболѣлъ, – и очень тяжко.
Онъ къ вашему величеству прислалъ
Нарочнаго, моля васъ, государь,
Чтобъ вы его, больного, навѣстили.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Гдѣ онъ лежитъ?

Буши.

Теперь онъ въ Эли-гаузѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пусть Небеса внушать его врачу –
Помочь ему скорѣй сойти въ могилу!
Вѣдь, сундуки его помогутъ намъ
Одѣтъ солдатъ для этихъ войнъ ирландскихъ.
Джентльмэны, всѣ отправимся къ нему, –
И дай намъ Богъ явиться слишкомъ поздно!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната въ Эли-Гаузѣ.

ГАНТЪ *больной на постели*. Герцогъ Йоркскій и другіе *стоятъ возлѣ*.

ГАНТЪ.

Пріѣдетъ ли король, чтобъ могъ я дать
Ему совѣтъ полезный передъ смертью?

ЙОРКЪ.

Не мучь себя – напрасный это трудъ:
Король нашъ глухъ ко всякому совѣту.

ГАНТЪ.

Но, говорятъ, предсмертныя слова
Невольное вниманіе внушаютъ;
Какъ музыки торжественный аккордъ,
Звучать они и въ душу западаютъ.
Гдѣ мало словъ, гдѣ говоритъ ихъ тотъ,
Кто черезъ мигъ сойдетъ уже въ могилу,

Тамъ рѣдко звукъ ихъ даромъ пропадетъ:
Въ нихъ – истина; она даетъ имъ силу.
Рѣчь юноши, въ комъ жизнь еще кипитъ,
Вниманія такого не возбудитъ,
Какъ рѣчь того, кто еле говоритъ
И болѣе ужъ говорить не будетъ.
Намъ памятенъ гармоніи финалъ,
Послѣдній лучъ угаснувшаго свѣта:
Король, хотъ онъ досель мнѣ не внималъ,
Послушаетъ предсмертнаго совѣта.

ГОРКЪ.

Нѣтъ, занять слухъ его совсѣмъ другимъ:
Плѣняется онъ лживыми рѣчами
Своихъ льстецовъ, нескромными стихами
(Гармонія отравленная ихъ
Плѣнительна всегда для молодежи),
Разказами о модахъ этой гордой
Италіи, обычаи которой
Медлительный народъ нашъ перенять
Старается съ проворствомъ обезьяны.
Какой бы вздоръ не появился въ свѣтъ –
Лишь будь онъ новъ, ему передается...
Не можетъ тамъ подѣйствовать совѣтъ,
Гдѣ произволъ надъ разумомъ смѣется.
Не наставляй того, кто выбирать
Самъ хочетъ путь, куда бъ ни шла дорога;
Не торопись дыханье потерять:
Его и такъ осталось ужъ немного.

ГАНТЬ.

Мнѣ кажется, что ново-вдохновеннымъ
Пророкомъ сталъ я нынѣ, – и о немъ

Вотъ что теперь пророчу, умирая:
Безмысленный, безумный этотъ пиръ
Его потѣхъ не можетъ продолжаться:
Само собой и быстро догоритъ
Свирѣпое, порывистое пламя;
Кончается не скоро мелкій дождь,
Но коротки порывы бурь внезапныхъ;
Безвременно тотъ всадникъ устаетъ,
Что черезчуръ стремительно несется;

Подавится – кто слишкомъ жадно ѣсть, –
И суетность, съ утробой ненасытной,
Все истребивъ, питается собою.
Что видимъ мы теперь въ отчизнѣ нашей?
Тронъ королей, державный островъ нашъ,
Величія страна, жилище Марса,
Второй эдемъ, природная твердыня,
Земля людей счастливыхъ, бриллиантъ,
Оправленный въ серебряное море,
Служащее оплотомъ для него
Противу всѣхъ завистливыхъ попытокъ
Другихъ, не столь счастливыхъ государствъ,
Чреватая монархами утроба,
Кормилица великихъ королей,
Рождениемъ своимъ столь знаменитыхъ,
Прославленныхъ за рыцарскую доблесть,
За подвиги во славу христіанъ
Тамъ, въ той странѣ упорнаго еврейства,
Гдѣ гробъ Христа-Спасителя стоитъ;
Британія, страна великихъ душъ,
Стяжавшая во всей вселенной славу,
Сдана теперь – мнѣ больно и сказать –
Въ наймы, или въ аренду, точно ферма!
Та Англія, которая была
До этихъ поръ окована лишь моремъ
И поясомъ скалистыхъ береговъ,
Удары волнъ спокойно отражавшихъ,
Попалася теперь въ постыдный плѣнъ,
Опутана чернильными крючками
И узами пергаментовъ гнилыхъ!
Та Англія, которая привыкла
Своихъ враговъ со славой покорять,
Сама себя позорно покорила!
О, если бы съ моею жизнью вмѣстѣ
Исчезнуть могъ и этотъ срамъ, то какъ
Я радъ бы былъ теперь, что умираю!

Входятъ Король Ричардъ, Королева, Омерль, Буши, Гринъ, Бэготъ, Россъ
и Виллоби.

ГОРКЪ.

Вотъ и король. Будь съ нимъ помягче: молодъ
И вспылчивъ онъ, а горячить не должно
И безъ того горячаго коня.

КОРОЛЕВА.

Что лучше ль вамъ, нашъ благородный дядя?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну, какъ живешь, какъ можешь, старый Гантъ?

ГАНТЪ.

Какъ мнѣ къ лицу подходитъ это имя!
Да Гантъ-сухарь, отъ старости засохшій:
Во мнѣ печаль держала скучный постъ –
Кто не худѣлъ отъ долгаго пощенья?
Я бодрствовалъ за спящую отчизну –
Безсонница кого не изнурить?
А изнуренье сушить человѣка.
Въ той радости, которая питаетъ
Родителей, держу я строгій постъ –
Я говорю о томъ, что я не вижу
Моихъ дѣтей; на это воздержанье
Ты осудилъ меня – и я изсохъ.
Да, я такъ сухъ, что годень для могилы,
Сухъ, какъ сама могила, гдѣ лежатъ
Въ ея пустой утробѣ только кости.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Возможно ли, чтобъ человѣкъ больной
Такъ хорошо игралъ своимъ прозваньемъ?

ГАНТЪ.

Нѣтъ, горе здѣсь смѣется надъ собой:
Во мнѣ убить мое ты хочешь имя –
И я смѣюсь надъ именемъ моимъ,
Чтобы польстить тебѣ, король великій.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Зачѣмъ же льстить живому, умирая?

ГАНТЪ.

Нѣтъ, здѣсь не то: живущій тутъ польстить
Старается тому, кто умираетъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но ты сказалъ сейчасъ, что ты мнѣ льстишь:
А развѣ ты теперь не умираешь?

ГАНТЪ.

Хоть боленъ я, но умираешь *ты*.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Но я здоровъ, тебя жъ больнымъ я вижу.

ГАНТЬ.

Создателю извѣстно, что ты боленъ,
И больно видѣть мнѣ тебя больнымъ!
Твоя постель предсмертная громадна:
То Англія, гдѣ ты лежишь больной;
Твоя болѣзнь – потеря доброй славы,
И ты свое помазанное тѣло,
Въ безопасности ввѣряешь тѣмъ врачамъ,
Которые болѣзнь ту причинили.
Толпа льстецовъ сидитъ въ твоей коронѣ,
Ея объемъ не больше головы,
Но, заключась въ такомъ пространствѣ тѣсномъ,
Всей Англіи они наносятъ вредъ.
Когда бъ твой дѣдъ, съ предвидѣньемъ пророка,
Предусмотрѣлъ, что внукъ его погубитъ
Его сыновъ, тогда бы онъ тебя
Не допустилъ до твоего позора,
Заранѣе лишивъ тебя того,
Чего теперъ ты самъ себя лишаешь.

82

Когда бъ ты былъ властителемъ вселенной,
То и тогда бъ тебѣ постыдно было
Британію на откупъ отдавать;
Но такъ какъ ты владѣешь только ею,
То тѣмъ гнуснѣй – позорить такъ ее.
Ты не король ужъ Англіи – помѣщикъ;
Законный тронъ твой – рабъ законныхъ сдѣлокъ,
И ты...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ смѣешь ты, безмозглый шутъ,
Насъ поучать, болѣзнию прикрываясь?
Какъ смѣешь ты насъ заставлять блѣднѣть
Отъ бѣшенства, сгоня нашъ румянецъ?
Клянусь моимъ престоломъ королевскимъ,
Что если бы ты не былъ братомъ сына
Великаго Эдварда, твой языкъ,
Болтающій теперъ съ такой свободой,
Тебя тотчасъ подвергъ бы приговору –
Снять голову съ твоихъ надменныхъ плечъ!

ГАНТЬ.

О, не щади меня, сынъ Эдуарда,

Изъ-за того, что я – сынъ Эдуарда,
Его отца: подобно пеликану,
Ты почаль ужъ родную нашу кровь,
Упился ты до опьянѣнья ею.
Братъ Глостеръ, эта честная душа
(Да будетъ онъ въ обители блаженныхъ!) –
Свидѣтель въ томъ, что крови Эдуарда
Ты не щадишь. Одинъ примѣръ ужъ былъ –
Вступи жъ теперь въ союзъ съ моимъ недугомъ,
И пусть твой гнѣвъ, какъ сторбленная старость,
Подкосить вдругъ давно увядшій цвѣтъ.
Живи съ твоимъ позоромъ, но позоръ твой
Да не умреть съ тобой! Мои слова
Пусть для тебя терзаньемъ вѣчнымъ будутъ!
Кладите же меня въ мою постель,
Снесите вы меня, за тѣмъ, въ могилу;
Пусть тотъ живетъ, кто жить имѣеть силу.
Кому любовь, почеть...

(Его уносятъ.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И пусть умереть –
Въ комъ старость лишь да старческая злоба...
Ты, съ ними, Гантъ, какъ разъ готовъ для гроба!

ГОРКЪ.

О, государь, не будьте слишкомъ строги
Къ его словамъ: въ немъ говорятъ болѣзнь
И старость; я ручаюсь – онъ васъ любитъ,
Какъ Генри Гирфордъ, если бъ онъ былъ здѣсь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, да, ты правъ; онъ любить насъ, какъ Гирфордъ,
И я люблю ихъ *такъ же*. – Честь за честь,
За тѣмъ – пусть все останется, какъ есть.

Входитъ НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Мой государь, вамъ кланяется Гантъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что говоритъ еще онъ?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ничего;

Все кончено, и нѣмъ его языкъ:

Слова и жизнь – все потерялъ старикъ.

Іоркъ.

Ну, Іоркъ, теперь насталь и твой чередъ:
Печальна смерть, но съ ней – конецъ печали.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пусть Гантъ упаль, какъ перезрѣвшій плодъ,
Но мы еще пока не умирали.
Довольно же объ этомъ толковать.
Подумаемъ мы о войнѣ ирландской.
Пора унять упрямыхъ, грубыхъ кэрновъ,
Искоренить живучую крамолу.
А такъ какъ намъ для этихъ важныхъ дѣлъ
Необходима денежная помощь,
То мы беремъ всю движимость, доходы
И цѣнную посуду, и монету,
Которыми владѣлъ нашъ дядя Гантъ.

Іоркъ.

Какъ долго мнѣ терпѣть еще придется?
До коихъ поръ мой щепетильный долгъ
Мнѣ выносить велить несправедливость?
Ни Глостра смерть, ни Гирфорда изгнанье,
Ни всѣ твои обиды противъ Ганта,
Ни Англии страданья, ни преграды,
Что ставилъ ты для брака Болинброка,
Ни личная ко мнѣ твоя немилость –
Мнѣ на лицо еще не вызывали
Ни кислыхъ минъ, ни недовольныхъ взглядовъ
Противъ тебя, мой повелитель. Я
Изъ сыновей Эдварда былъ послѣднимъ,
А первымъ былъ отецъ твой, принцъ Уэльскій.
Въ войнѣ онъ былъ неукротимъ, какъ левъ,
А въ мирѣ – тихъ и кротокъ, какъ ягненокъ.
Твое лицо – его живой портретъ, –
Такой же видъ имѣлъ въ твои онъ годы.
Но хмурился онъ только на французовъ –
Не на друзей; онъ тратилъ только то,
Что пріобрѣлъ онъ самъ, и сберегалъ
Добытое отца его рукою.
Въ крови родныхъ – онъ рукъ не запятналъ,
Но кровь враговъ ихъ лилъ онъ беспощадно...
О, Ричардъ! Іоркъ ужъ слишкомъ далеко
Зашель въ своей печали: только это
Заставило его сравненье дѣлать.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что хочешь ты сказать?

ІОРКЪ.

О, государь,
Прости меня, когда тебѣ угодно,
А если нѣтъ – и съ этимъ я мирюсь.
Ужели ты намѣренъ захватить

83

Наслѣдіе, права всѣ Болинброка?
Вѣдь, умеръ Гантъ? Вѣдь, Гэрри Гирфордъ живъ,
Гантъ честенъ былъ? А Гэрри Гирфордъ вѣренъ?
Или одинъ – наслѣдника имѣтъ
Былъ недостойнъ? или же другой,
Его наслѣдникъ – недостойный сынъ?
Что жъ, отними его права, нарушь
Обычаи, уставы вѣковые,
Днямъ слѣдовать за днями запрети,
Не будь самимъ собой, – вѣдь, самъ-то ты
Какимъ путемъ вступилъ на тронъ свой, если
Не въ силу правъ законнаго наслѣдства? –
Но я тебѣ предъ Господомъ клянусь,
Что если ты у Гирфорда отнимешь
Его права, отмѣнишь силу грамотъ,
По коимъ онъ наслѣдья своего
Отыскивать чрезъ адвокатовъ можетъ, –
То тысячу опасностей себѣ
Ты навлечешь неправдой вопіющей;
Ты оттолкнешь сердца своихъ друзей,
Да и во мнѣ самомъ возбудишь мысли,
Какихъ никакъ не могутъ допустить
Ни долгъ, ни честь, ни вѣрность государю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что хочешь, думай; мы же заберемъ
Все, что имѣлъ покойникъ: всѣ помѣстья,
Всю движимость, и деньги, и посуду.

ІОРКЪ.

При этомъ я присутствовать не буду –
И удалюсь. Прощайте, государь.
Никто не можетъ угадать – что выйдетъ
Изъ этого; увѣренъ я въ одномъ:

Зло никогда не кончится добромъ.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Послушай, Буши: тотчасъ отправляйся
За Уилтъширомъ; проси его сюда,
Къ намъ, въ Эли-Гаузъ, чтобы наблюсти
За этимъ дѣломъ. Завтра ѣдемъ мы
Въ Ирландію. Пора, давно пора!
Правителемъ оставимъ дядю Іорка;
Онъ справедливъ и насъ всегда любилъ.
Теперь пойдемъ отсюда, королева;
Разстанемся съ тобою завтра мы,
Будь весела въ послѣднія минуты.

(Трубы. Король, Королева, Омерль, Буши, Бэготъ и Гринъ уходятъ.)

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ну, лорды, герцогъ Ланкастеръ скончался.

РОССЪ.

И, вмѣстѣ, живъ: теперь сынъ Ганта герцогъ.

ВИЛЛОБИ.

По титуду – и только.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

По всему,
Когда права имѣеть справедливость.

РОССЪ.

Какъ тяжело на сердцѣ у меня!
Но пусть оно скорѣе разобьется,
Чѣмъ облегчить себя свободной рѣчью.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Нѣтъ, выскажись; пусть онѣмѣеть тотъ,
Кто повторитъ слова твои нескромно.

ВИЛЛОБИ.

Не Гирфорда ль касаются они?
О, если такъ, то говори скорѣе:
Я съ радостью услышу все, что служить
Къ его добру.

РОССЪ.

Добра я никакого
Не въ состояннн сдѣлать для него;

Могу его я только пожалѣть,
Изгнанника, лишеннаго наслѣдства.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Позоръ – терпѣть подобные неправды,
Постигшія его и многихъ лицъ
Изъ нашей знати. Нашимъ королемъ
Руководятъ льстецы; и что бѣ они
По злобѣ лишь ему ни нашептали,
Противъ кого бѣ то ни было изъ насъ –
Онъ вѣритъ имъ, преслѣдуя нещадно
Насъ, нашу жизнь и даже наши семьи.

РОССЪ.

Ограбилъ онъ налогами народъ –
И потерялъ его расположенье;
Штрафъ наложилъ за давнія вины
Онъ на дворянъ – и ихъ любовь утратилъ.

ВИЛЛОБИ.

И съ каждымъ днемъ – все новые поборы,
Подъ именемъ беневоленцій, бланковъ –
Какихъ для нихъ названій только нѣтъ! –
Но, Боже мой, чѣмъ кончится все это?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Растрачены всѣ деньги не для войнъ:
Не воевалъ король, – напротивъ, въ сдѣлку
Постыдную вошелъ – и уступилъ
То, что мечомъ своимъ добыли предки.

РОССЪ.

Графъ Уильтширъ взялъ на откупъ королевство.

ВИЛЛОБИ.

Король – банкротъ, подобно торгащу.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ему грозятъ безславіе и гибель.

РОССЪ.

И, несмотря на тяжкіе налоги,
Все жъ у него нѣтъ денегъ для войны;
Вотъ онъ и грабитъ герцога.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Кузена...

Испорченный король! Но, что жь, милорды:
Мы слышимъ ревъ ужасной этой бури,
Но отъ нея укрыться не спѣшимъ;

84

И видимъ мы, какъ вѣтеръ налетаетъ
На паруса, но ихъ не убираемъ,
Хотя идемъ на вѣрную погибель.

РОССЪ.

Мы знаемъ, что крушенье неизбежно,
Что мы должны подвергнуться ему,
Когда его причины мы стерпѣли.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Нѣтъ, вижу я: сквозь очи самой смерти
Выглядываетъ жизнь; но я не смѣю
Вамъ сообщить – какъ помощь къ вамъ близка.

ВИЛЛОБИ.

Нѣтъ, выскажи свои ты мысли намъ,
Какъ мы съ тобой своими подѣлились.

РОССЪ.

Не бойся говорить, Нортomberлэндъ:
Мы всѣ – одно, и сказанныя здѣсь
Твои слова – не болѣе, какъ мысли.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Такъ слушайте. Изъ Поръ-ле-Блана, порта
Въ Бретани, я извѣстье получилъ,
Что Гэрри Гирфордъ, Ренольдъ лордъ Кобгэмъ,
Сэръ Томасъ Эрпингэмъ, сэръ Джонъ Рэмстонъ,
Сэръ Джонъ Норбери, Робертъ Уотертонъ,
Кобгэма братъ – архіепископъ новый
Кэнтерберійскій – также Фрэнсисъ Квойнтъ
Спѣшатъ сюда. Бретанскій герцогъ ихъ
Снабдилъ восьмью большими кораблями
И войскомъ изъ трехъ тысячъ человѣкъ.
На сѣверѣ они хотятъ пристать, –
Быть можетъ, и теперь бы ужъ пристали,
Но только ждуть отъѣзда короля
Въ Ирландію. Такъ если мы желаемъ
Избавиться отъ рабскаго ярма,

Расправить вновь опущенныя крылья
Отечества, со скипетра стереть
Пыль, что на немъ скрываетъ позолоту,
Освободить изъ-подъ заклада нашу,
Покрытую безславіемъ, корону,
Державному величеству вернуть
Весь прежній блескъ его и обаянье,
То ѣдемте немедля въ Рэвенспоргъ.
Но если вы колеблетесь, боитесь –
Останьтесь здѣсь, храните только тайну,
А я туда отправлюся одинъ.

РОССЪ.

Такъ на коней! что колебаться намъ?

ВИЛЛОБИ.

Конь выдержать – я первый буду тамъ!

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ Королева, Буши и Бэготъ.

БУШИ.

Вы слишкомъ грустны, государыня.
Вы, съ королемъ прощаясь, обѣщали
Не унывать, поддерживать въ себѣ
Веселое расположенье духа.

КОРОЛЕВА.

Да, чтобъ его не огорчать; но все же
Я не могу избавиться отъ грусти.
Причинъ ея не знаю, кромѣ той,
Что я теперь въ разлукѣ съ милымъ мужемъ.
Мнѣ чудится, какъ будто мнѣ грозитъ
Какое-то невѣдомое горе,
Созрѣвшее въ утробѣ злой судьбы,
Хотя оно еще и не родилось;
И глубина моей души дрожить
Отъ ничего, и что-то огорчаетъ
Ее сильнѣй, чѣмъ съ королемъ разлука.

БУШИ.

Печаль всегда имѣетъ много тѣней,
И каждая изъ нихъ, сама въ себѣ,
Намъ кажется особою печалью.

Глазь горести, подернутый туманомъ
Слѣпящихъ слезъ, на множество предметовъ
Дробить всегда одну и ту же вещь,
Такъ точно какъ въ граненомъ хрусталѣ:
Коль прямо вы глядите предъ собою,
Предъ вами все сливается въ одно;
Глядите вкось – вы различите формы.
Такъ, на отъѣздъ супруга глядя вкось,
Находите вы образы печали,
То – тѣни лишь, а не сама печаль,
Хоть васъ онѣ еще сильнѣй тревожатъ.
Не плачьте же вы ни о чемъ иномъ,
Какъ объ отъѣздѣ вашего супруга;
Все прочее – лишь заблужденье глазъ,
Обманутыхъ дѣйствительной печалью
И плачущихъ о призракахъ пустыхъ.

КОРОЛЕВА.

Быть можетъ, такъ; но глубина души
Мнѣ говорить, что здѣсь – совсѣмъ другое.
Но, все равно, могу я лишь грустить,
И, думая, сама о чемъ не знаю,
Я предъ ничѣмъ отъ страха обмираю.

БУШИ.

То лишь мечта, не больше.

КОРОЛЕВА.

Вовсе нѣтъ.
Когда бъ мечта, она бы родилась
Отъ горести какой-нибудь; но здѣсь
Изъ ничего мое явилось горе,
Иль нѣчто есть въ невѣдомомъ «ничто»,
Наполнившемъ мнѣ горестію душу.
Предчувствіе бѣдой мнѣ угрожаетъ;
Но въ чемъ она – еще не знаю я;
Безъ имени пока печаль моя.

Входитъ ГРИНЬ.

ГРИНЬ.

Да сохранить Всевышній королеву!

Привѣтъ мой вамъ, джентльмены. Я надѣюсь –
Король еще въ Ирландію не отплылъ?

КОРОЛЕВА.

Что хочешь ты сказать своей надеждой?
Надѣяться намъ нужно, что успѣлъ
Ужъ онъ отплыть, такъ требуютъ дѣла,
Въ поспѣшности его надежда наша.
Зачѣмъ же ты желаешь, чтобъ король
Еще не отплылъ?

Гринъ.

Для того, чтобъ онъ
Надежда наша, могъ свои войска
Вернуть назадъ и въ прахъ разбить надежду
Его врага: изъ ссылки Болинброкъ
Въ отечество вернулся самовольно,
Вооружась, и прибылъ въ Рэвенспоргъ.

КОРОЛЕВА.

Храни насъ Богъ!

Гринъ.

Извѣстье это вѣрно;
Но хуже то, что лордъ Нортomberландъ
И Генри Перси, юный сынъ его,
И лорды Бьюмондъ, Россъ и Виллоби,
И ихъ друзья бѣжали къ Болинброку.

Буши.

Зачѣмъ же вы тотчасъ не объявили
Измѣнниками всѣхъ ихъ?

Гринъ.

Объявили;
На что въ отвѣтъ, лордъ-сенешаль, графъ Уорстеръ
Сломалъ свой жезлъ и тоже поспѣшилъ
Къ бунтовщику со всей своей прислугой.

КОРОЛЕВА.

Итакъ, ты, Гринъ, для горести моей
Сталъ повивальной бабкой; Болинброкъ –
Ужасный плодъ ея; моя душа
Произвела чудовище на свѣтъ, –
И вотъ меня, родильницу, постигла
Скорбь новая, въ придачу къ прежней скорби.

Буши.

Отчаянью не должно предаваться.

КОРОЛЕВА.

Кто запретить мнѣ это? Я хочу
Быть во враждѣ съ фальшивою надеждой:
Въ ней – лесть одна, то лгунья, паразитка,
Помѣха, что задерживаетъ смерть,
Которая легко бы узы жизни
Расторгнула, когда бѣ не дмила намъ
Агонію обманщица-надежда.

Входитъ Іоркъ.

Гринъ.

Вотъ герцогъ Іоркъ.

КОРОЛЕВА.

Съ эмблемами войны
На старой шеѣ. Ради Бога,
Отрадное скажите что-нибудь.

Іоркъ.

Солгалъ бы я, когда бѣ сказалъ. Отрада
На небесахъ; а мы, вѣдь, на землѣ,
Гдѣ лишь кресты, заботы и печали.
Уѣхалъ мужъ вашъ далеко – спасать
Отечество, а между тѣмъ другіе
Явились, чтобъ нанести ему
Потери дома. Онъ меня оставилъ
Опорою страны – меня, который самъ
Едва держусь отъ старости! Настала
Пора расплатъ; теперь-то испытать
Своихъ друзей-льстецовъ ему придется!

Входитъ Слуга.

Слуга.

Милордъ, вашъ сынъ уѣхалъ; я его
Ужъ не засталъ.

Іоркъ.

Уѣхалъ? Вотъ какъ! ну –
Пусть все идетъ, куда угодно! Лорды
Бѣгутъ; народъ покамѣстъ безучастень;
Но, я боюсь взбунтуется и онъ.
И перейдетъ на сторону Гирфорда.

(Слугѣ.)

Эй, ты! сейчас же отправляйся въ Плэши,
Къ моей невѣсткѣ, Глостеръ, и проси
Прислать тотчасъ мнѣ тысячу гиней.
На, вотъ, возьми мое кольцо.

СЛУГА.

Милордъ,
Сегодня тамъ, проѣздомъ, я ужъ былъ,
Но... огорчить боюсь я вашу свѣтлость
Извѣстіемъ...

ГОРКЪ.

Въ чемъ дѣло тамъ, холопъ?

СЛУГА.

За часъ предъ тѣмъ скончалась герцогиня.

ГОРКЪ.

Спаси насъ Богъ! Какой потокъ несчастій
Низринулся на бѣдную страну!
Не знаю, что и дѣлать. Я желалъ бы
(Хоть никогда измѣнникомъ я не былъ),
Чтобы король снялъ голову мою
Ужъ за одно, когда убилъ онъ брата.
Отправлены ль въ Ирландію гонцы?
Для этихъ войнъ, гдѣ денегъ мы добудемъ?
Идемъ, сестра, – ахъ, виноватъ, ошибся:
Племянница. А ты (*слуга*) ступай домой:
Распорядись взять нѣсколько телѣгъ
И вывезти оружіе оттуда.

(*Слуга уходитъ.*)

Джентльмены, не потрудитесь ли вы
Собрать войска? Какъ мнѣ распорядиться –
Не знаю я; взвалили мнѣ на плечи
Такой хаосъ! Противники – мнѣ оба
Племянники; одинъ – мой государь,

Котораго и долгъ мой, и присяга
Мнѣ защищать велятъ; другаго – тоже,
По совѣсти и по родству, обязанъ
Я поддержать: его король обидѣлъ.
Но что-нибудь должны же дѣлать мы...

Племянница, о васъ я позабочусь:
Идите и, собравъ своихъ людей,
Тотчасъ ко мнѣ отправьтесь, въ замокъ Бэркли.
Мнѣ нужно бы заѣхать прежде въ Плэши,
Да некогда. Ахъ, голова кругомъ!
Все брошено, и все лежитъ вверхъ дномъ!

(Йоркъ и королева уходятъ.)

Буши.

Въ Ирландію попутный вѣтеръ дуетъ,
Вѣстямъ туда не трудно долетѣть;
Но ни одной оттуда не приходитъ.
Намъ не собрать довольно войска, чтобы
Оно могло помѣряться съ врагомъ.

Гринъ.

Притомъ, любовь къ намъ короля внушаетъ
Къ намъ злобу въ тѣхъ, кто короля не любитъ.

Бэготъ.

Не любитъ же измѣнчивый народъ;
У этихъ, вѣдь, людей любовь – въ карманѣ.
Насколько кто его опустошитъ,
Настолько ихъ сердца наполнитъ злобой.

Буши.

Вотъ въ этомъ то всѣ короля винятъ.

Бэготъ.

И насъ, когда въ нихъ есть довольно смысла.
Мы къ королю всегда, вѣдь, были близки.

Гринъ.

Графъ Уильтширъ тамъ уже.

Буши.

Я ѣду съ вами.
Нельзя намъ ждать добра отъ злобной черни:
Она, какъ псы, насъ разорветъ въ куски.
Вы, Бэготъ, тожъ отправитесь съ нами?

Бэготъ.

Нѣтъ, я къ его величеству уѣду,
Въ Ирландію. Прощайте; если правду
Мнѣ говоритъ предчувствіе, то намъ
Не видѣться ужъ болѣе другъ съ другомъ.

Буши.

Зависитъ все тутъ отъ успѣховъ Йорка:
Одержитъ онъ побѣду, или нѣтъ.

Гринъ.

Ахъ, бѣдный Йоркъ! Его задача – то же,
Что счесть пески, иль выпить океанъ.
Когда съ врагомъ, его войска сойдутся.
Одинъ солдатъ останется при немъ,
А тысячи сейчасъ же разбѣгутся.

Буши (*Бэготу*).

Прощайте же, прощайте навсегда.

Гринъ.

Ну, полно, мы увидимся, надѣюсь.

Бэготъ.

А я боюсь, что больше никогда.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Пустынная мѣстность въ Глостерширѣ.

Входятъ Болинброкъ и Нортomberландъ съ войскомъ.

Болинброкъ.

Далеко ли теперь, милордъ, до Бэркли?

Нортomberландъ.

Не знаю: я, вѣдь, здѣсь совсѣмъ чужой:
Я не бывалъ ни разу въ Глостерширѣ.
Высокіе и дикіе холмы,
Неровныя, ужасныя дороги
Намъ мили длятъ – и дѣлаютъ нашъ путь
Томительнымъ и скучнымъ. Но меня
Бесѣда съ вами, герцогъ услаждала;
Какъ медъ, сладка была мнѣ ваша рѣчь –
И забывалъ я трудности дороги.
Но какъ скучна она должна казаться
Для Виллоби и Росса, на пути
Отъ Рэвенспорга въ Котсвольдъ! вѣдь, они
Не съ вами, герцогъ. Впрочемъ, и для нихъ
Путь услажденъ пріятною надеждой –
Достичь того, чѣмъ обладаю я;
Надежда же на радость – та же радость

Почти вполнѣ. Въ виду ея, ихъ путь
Покажется для нихъ такимъ короткимъ,
Какъ мнѣ теперъ мой показался путь,
Гдѣ обществомъ я вашимъ наслаждаюсь.

Болинброкъ.

Оно не стоитъ вашихъ добрыхъ словъ!
Кто тамъ идетъ къ намъ?

Входитъ ГЕРРИ ПЕРСИ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Сынъ мой, Гэрри Перси.
Его прислалъ должно быть, братъ мой Уорстеръ.
Ну, Гэрри, какъ твой дядя поживаетъ?

ПЕРСИ.

Я думалъ самъ узнать о немъ отъ васъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какъ! развѣ онъ не съ королевой?

ПЕРСИ.

Нѣтъ.
Онъ изломалъ свой жезлъ, оставилъ дворъ
И распустилъ дворцовую прислугу.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какая же была тому причина?
Въ послѣдній разъ, какъ видѣлся я съ нимъ,
Въ другомъ онъ былъ, я помню, настроены.

ПЕРСИ.

Причина – та, что объявили васъ
Измѣнникомъ. Онъ въ Рэвенспоргъ уѣхалъ,

Чтобъ герцогу услуги предложить,
А мнѣ велѣлъ онъ побывать близъ Бэркли,
Развѣдать – какъ велики силы Йорка,
За тѣмъ – спѣшить туда же, въ Рэвенспоргъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А герцога ты Гирфорда забылъ?

ПЕРСИ.

Какъ мнѣ забыть, когда я и не помнилъ?
Вѣдь, я его ни разу не видалъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Такъ познакомься съ нимъ теперь: вотъ герцогъ.

ПЕРСИ.

Свѣтлѣйшій лордъ, позвольте предложить
Вамъ и мои посильные услуги,
Какъ есть онѣ: я слабъ, я юнъ, незрѣлъ;
Но возмужавъ, надѣюсь, пригожусь
На болѣе существенную службу.

БОЛИНБРОКЪ.

Благодарю тебя, мой добрый Перси.
Вѣрь, ни однимъ изъ свойствъ моей души
Не дорожу я такъ, какъ тѣмъ, что помнить
Она друзей. По мѣрѣ, какъ фортуна
Моя съ твоей любовью процвѣтетъ,
Твоя любовь награду въ ней получить.
Моя рука скрѣпляетъ договоръ,
Который мнѣ продиктовало сердце.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какъ далеко до Бэркли? Что, съ своими
Солдатами, творить тамъ старый Йоркъ?

ПЕРСИ.

Не далеко за той вонъ чашей замокъ.
Въ немъ гарнизону триста человекъ,
Какъ слышалъ я; тамъ Бэркли, Йоркъ и Сеймуръ;
Другихъ же нѣтъ изъ лордовъ, иль дворянъ.

Входятъ Россъ и Виллоби.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Вотъ лорды Россъ и Виллоби. Должно быть,
Они спѣшили: шпоры ихъ въ крови,
А лица красны, какъ огонь.

БОЛИНБРОКЪ.

Добро
Пожаловать, милорды. Вижу я,
Что сосланный измѣнникъ не оставлень
Любовью вашей. Но моя казна
Вся состоитъ изъ благодарныхъ чувствъ,
Не початыхъ; разбогатѣвъ, она
Вознаградитъ васъ за любовь, за трудъ вашъ.

РОССЪ.

Богаты мы ужъ тѣмъ, что видимъ васъ.

ВИЛЛОБИ.

И это счастье превосходитъ трудъ нашъ.

БОЛИНБРОКЪ.

Я навсегда вамъ буду благодарень.
Признательность – богатство бѣдняка.
Пока моя не выростетъ фортуна,
Признательность пусть заступаетъ мѣсто
Моихъ щедротъ. Кто тамъ идетъ сюда?

Входитъ БЭРКЛИ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Лордъ Бэркли, какъ догадываюсь я.

БЭРКЛИ.

Я присланъ къ вамъ, лордъ Гирфордъ отъ регента.

БОЛИНБРОКЪ.

Я – Ланкастеръ, милордъ, – вотъ мой титуль;
Искать его – я въ Англию явился
И отвѣчать не буду вамъ, пока
Изъ вашихъ устъ его я не услышу.

БЭРКЛИ.

Я вовсе и не думалъ васъ, милордъ,
Лишать какихъ-либо титуловъ вашихъ;
Къ вамъ (все равно какъ ни зовитесь вы)
Меня прислалъ правитель, герцогъ Йоркскій,
Чтобы узнать, что побудило васъ
Явиться здѣсь, съ оружіемъ въ рукахъ,
И, пользуясь отлучкой государя,
Встревожить миръ страны междоусобьемъ.

Входитъ ЙОРКЪ со свитой.

БОЛИНБРОКЪ.

Передавать отвѣтъ мой черезъ васъ
Теперь ужъ мнѣ не нужно: вотъ самъ герцогъ
Идетъ сюда. Мой благородный дядя!

(Преклоняетъ коленно.)

ЙОРКЪ.

Не преклоняй колѣнь: лживъ этотъ знакъ
Покорности; ты покажи мнѣ сердце

Покорное.

Болинброкъ.

Свѣтлѣйшій дядя!

Йоркъ.

Тшь!

Не долженъ ты меня такъ называть:

Я не могу измѣннику быть дядей.

А слово «свѣтлость» свой теряетъ блескъ,

Когда оно изъ темныхъ устъ исходитъ.

Какъ ты дерзнулъ изгнанника ногой

Ступить теперь на англійскую почву?

Какъ ты дерзнулъ пройти такъ много миль

По мирному своей отчизны лону,

Тревожа сель спокойствіе войной

И выставкой преступнаго оружья?

Не потому ль явился ты сюда,

Что нашъ король-помазанникъ въ отлучкѣ?

Безумный, знай, король оставленъ здѣсь:

Я облеченъ его верховной властью.

О если бъ я былъ молодъ, какъ въ то время,

Когда отцомъ твоимъ и мной спасенъ

Былъ Черный Принцъ отъ полчища французовъ,

Какъ скоро я тебя бы наказалъ,

Вотъ этою рукой, теперь безсильной!

88

Болинброкъ.

Позвольте мнѣ узнать мою вину;

Въ чемъ состоитъ она, свѣтлѣйшій дядя?

Йоркъ.

Въ чемъ состоитъ! Въ тягчайшемъ преступленіи,

Въ измѣнѣ гнусной, въ бунтѣ. Ты – изгнанникъ,

И ты пришелъ, до истеченья срока

Изгнанія, съ оружіемъ въ рукахъ,

Поднявъ его на своего монарха.

Болинброкъ.

Я изгнанъ былъ, когда я былъ лишь Гирфордъ,

Вернулся же – какъ Ланкастеръ. Прошу васъ

Взглянуть на мой поступокъ безпристрастно, –

Вы для меня теперь второй отецъ;

Мнѣ кажется, что въ васъ я Ганта вижу.
Итакъ, отецъ, допустите ли вы,
Чтобъ осужденъ я былъ на жизнь бродяги,
Чтобы мои права, владѣнья, все
Исторгнули изъ рукъ моихъ насильно
И отдали мотамъ-временщикамъ?
Какія мнѣ права даетъ рожденье?
Когда кузень мой – англійскій король,
То Ланкастерскій герцогъ я безспорно.
У васъ есть сынъ, и если бъ вы скончались
До моего отца, права жъ Омерля
Поруганы такъ были, какъ мои, –
То онъ отца нашель бы въ дядѣ Гантѣ,
Который бы возсталъ противъ неправды
И поборолъ бы сдѣланное зло.
По грамотамъ моимъ имѣлъ я право
Прибыть сюда, чтобъ получить наслѣдство,
Но въ этомъ мнѣ отказано. Затѣмъ,
Имущество покойнаго отца
Описано и продано, и все
Растрчено. Что жъ было дѣлать мнѣ?
Какъ подданный, прибѣгнуль я къ закону,
Но искъ вести посредствомъ адвокатовъ
Запрещено мнѣ было, – и теперь
Я прибыль самъ, чтобъ требовать наслѣдства,
По всѣмъ правамъ рожденья моего.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ужъ слишкомъ былъ обиженъ герцогъ.

РОССЪ.

Да;

И вы должны вступиться, ваша свѣтлость.

ВИЛЛОБИ.

На счетъ его возвысились мерзавцы.

ГОРКЪ.

Позвольте мнѣ сказать, милорды, вамъ:
Его бѣду я принялъ близко къ сердцу –
И дѣлалъ все, что могъ въ его защиту.
Но *такъ* прійти, съ оружіемъ въ рукахъ,
Послѣдовать внушенью произвола,
Быть собственнымъ судьей, лѣзть напроломъ,
Возстановлять права путемъ неправды –
Такихъ вещей никакъ нельзя терпѣть.
И сами вы, милорды, поощряя

Его къ тому, делѣете мятежъ,
И всѣ вы здѣсь бунтовщики!

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Но герцогъ
Поклялся намъ, что прибылъ онъ сюда
Лишь за своимъ добромъ; а мы клялись
Ему помочь; и кто нарушить клятву –
Пусть радости не знаетъ никогда!

ГОРКЪ.

Довольно. Я исходъ борьбы предвижу,
И сознаюсь въ безсиліи моемъ.
Власть у меня слаба, все въ безпорядкѣ.
Но если бы я могъ, то всѣхъ бы васъ
Арестовалъ, заставилъ бы согнуться
Предъ милостью верховной короля.
Но такъ какъ я не въ силахъ это сдѣлать,
То остаюсь нейтральнымъ. Ну, прощайте.
Иль, можетъ быть, вы завернете въ замокъ,
Чтобъ отдохнуть тамъ въ эту ночь?

БОЛИНБРОКЪ.

Охотно
Мы принимаемъ приглашенье, дядя.
Но будемъ мы просить васъ – въ Бристоль-кэстль
Отправиться оттуда, вмѣстѣ съ нами.
Тамъ заперлись, какъ слышно, Буши, Гринъ,
Съ ихъ шайкою – вся сорная трава,
Которую клялся я вырвать съ корнемъ.

ГОРКЪ.

Быть можетъ, и отправлюсь, но, покамѣстъ,
Повременю: вѣдь, такъ не по душѣ
Мнѣ – нарушать законы государства!
Безсиленъ я, чтобъ вашимъ быть врагомъ,
И, какъ друзья, вы тоже мнѣ не милы...
Но полно мнѣ заботиться о томъ,
Что поддержать я не имѣю силы.

СЦЕНА IV.

Лагерь въ Уэльсѣ.

Входятъ САЛИСБЕРИ и КАПИТАНЪ.

КАПИТАНЪ.

Милордъ, мы здѣсь стояли десять дней,
Съ большимъ трудомъ удерживая въ сборѣ
Своихъ солдатъ; но ничего не слышно
О королѣ; и потому хотимъ
Мы разойтись, я къ вамъ пришелъ проститься.

САЛИСБЕРИ.

Нѣтъ, подожди лишь день одинъ еще:
Король свою надежду возлагаетъ
Всю на тебя, на вѣрнаго уэльца.

КАПИТАНЪ.

Всѣ думаютъ, что умеръ ужъ король,

89

И не хотимъ мы дольше оставаться.
Лавровыя деревья всѣ посохли
У насъ въ странѣ; на небѣ метеоры
Затмили блескъ его недвижныхъ звѣздъ.
Кровавая луна глядитъ на землю,
И жителямъ сулятъ переворотъ
Какіе-то зловещіе пророки.
Богатые въ уныніе пришли;
Разбойники и прыгаютъ, и пляшутъ.
Одни дрожатъ за собственность свою,
Другимъ война – желанная пожива.
Рядъ знаменій подобныхъ предвѣщаетъ
Кончину иль паденье королей.
Прощайте. Полкъ уэльцевъ разбѣжался,
Увѣрившись, что ихъ король скончался.

САЛИСБЕРИ.

О, Ричардъ, я съ тяжелымъ сердцемъ вижу,
Что падаетъ, какъ съ высоты небесъ
Падучая звѣзда, твое величье.
Склоняется ужъ къ западу твое
Печальное и плачущее солнце,
Теря блескъ и угрожая намъ
Тревогами, бѣдами и борьбою, –
Твои друзья передались врагамъ,
Противъ тебя все поднято судьбою.

ДЕЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Болинброка близъ Бристоля.

Входятъ Болинброкъ, Йоркъ, Нортomberландъ, Перси, Уиллоби, Россъ.

За ними позади - Буши и Гринъ подъ стражею.

Болинброкъ.

Пусть эти люди выйдутъ напередъ.
Буши и Гринъ, не буду вашихъ душъ –
Такъ какъ сейчасъ разстанетесь вы съ ними –
Безжалостно терзать перечисленьемъ
Всѣхъ золь, вреда, что натворили вы.
Но, чтобы съ рукъ моихъ смыть вашу кровь,
Двѣ или три причины вашей смерти
Я выскажу предъ всѣми, кто тутъ есть.
Путемъ неправдъ вели вы государя,
Испортили и сдѣлали несчастнымъ
Счастливаго по роду своему
И по чертамъ характера монарха;
Грѣховными досугами своими,
Его какъ бы, съ супругой развели,
Разстроивъ миръ ихъ царственного ложа;
Монархини прекрасной красоту
Вы горькими слезами омрачили,
Исторгнувъ ихъ неправдой вашихъ дѣлъ.
Я, кровный принцъ, столь близкій къ королю,
И по родству и по любви – пока
Вы передъ нимъ меня не оболгали –
Самъ долженъ былъ подъ бременемъ обидъ
И оскорбленій вашихъ преклониться,
Ѣсть горькій хлѣбъ изгнанья на чужбинѣ
И нероднымъ мнѣ воздухомъ дышать.
Вы, между тѣмъ, помѣстьями моими
Кормилися, мои открыли парки,
Мои лѣса рубили, съ оконъ, замковъ
Сорвали гербъ мой, стерли мой девизъ,
Мнѣ ни одной эмблемы не оставивъ
Высокаго рожденья моего;
Лишь кровь моя, да мнѣніе людское
Всѣмъ говорятъ, что родомъ я джентльмэнъ.
Вотъ часть того, что предаеть васъ смерти.
Ведите ихъ немедленно на казнь.

Буши.

Смерть для меня – ударъ не столь ужасный,
Какъ Болинброкъ для Англіи. Прощайте,

Милорды!

Гринъ.

Я надеждой утѣшаюсь,
Что Небо приметъ наши души въ рай
И муками геенны покараетъ
Несправедливость.

Болинброкъ.

Лордъ Нортomberлэндъ,
Распорядитесь, чтобы ихъ казнили.

(Нортomberлэндъ и другіе уходятъ вмѣстѣ съ плѣнниками.)

Вы говорите, дядя, королева
Теперь у васъ: о, ради Бога, пусть
Обходятся какъ можно лучше съ нею.
Скажите ей, что искренній поклонъ
Я посылаю ей, и позаботьтесь
Особенно о томъ, чтобы дошли
До ней мои сердечные привѣты.

Йоркъ.

Отправилъ я съ однимъ джентльмэномъ письма,
Въ которыхъ ей подробно описалъ
Расположеніе ваше.

Болинброкъ.

Добрый дядя,
Благодарю васъ. А теперь, милорды,
Идемъ противъ Глендаура и его
Сообщниковъ. Потрудимся, а тамъ –
Придетъ пора, и праздникъ будетъ намъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Берегъ Уэльса – въ перспективѣ замокъ.

Трубы и барабаны.

Входятъ Король Ричардъ, Епископъ Карляйльскій, Омерль и войско.

Король Ричардъ.

Бэрклофли-кэстль зовется этотъ замокъ?

ОМЕРЛЬ.

Да, государь. – Вамъ послѣ качки въ морѣ,
Понравился ли воздухъ этихъ странъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Понравился ль? Еще бы нѣтъ! Я плачу
Отъ радости, что снова я стою
На дорогой мнѣ почвѣ королевства.
Привѣтъ тебѣ, столь милая земля,
Хотя тебя мятежники изрыли
Копытами коней своихъ! Какъ мать,
Свое дитя встрѣчая, послѣ долгой
Разлуки съ нимъ, мѣшаетъ смѣхъ и слезы,
Въ безуміи восторга своего,
Такъ точно я тебя, земля родная,
Привѣтствую, и плача, и смѣясь,
И царственной рукой тебя ласкаю.
Сукова будь съ врагами твоего
Властителя и не давай имъ пищи;
Не подкрѣпляй ихъ жадности своими
Уладами; но пауковъ твоихъ,
Сосущихъ ядъ твой, и тяжелыхъ жабъ
Разсѣй по ихъ пути, чтобъ эти гады
Язвили ихъ предательскія ноги,
Которыя разбойничьей стопой
Теперь тебя такъ нагло попираютъ.
Жги руки ихъ кусающей крапивой;
Когда жъ они задумаютъ сорвать
Съ твоей груди какой-нибудь цвѣтокъ,
То защити его эхидной злою,
И пусть двойной языкъ ея врагамъ
Смерть нанесетъ своимъ прикосновеньемъ.
Не смѣйтесь, милорды, надъ моимъ
Безсмысленнымъ, нелѣпымъ заклинаньемъ:
Скорѣй земля вотъ эта – чувства даръ
Пріобрѣтетъ, скорѣе эти камни
Въ живыхъ солдатъ съ оружіемъ превратятся,
Чѣмъ задрожитъ природный ихъ король
Предъ силою вооруженной бунта.

КАРЛЯЙЛЬ.

Не бойтесь, мой государь. Всевышній,
Поставившій васъ королемъ, имѣетъ
И силу васъ на тронѣ поддержать,
На зло всему. Но мы должны схватиться
За средства, что Онъ посылаетъ намъ;

Пренебрегать мы ими не должны.
Иначе мы отвергнемъ помощь Неба,
Противъ его желаній возмутясь.

О МЕРЛЬ.

Смысль этихъ словъ – что слишкомъ медлимъ мы;
Что, пользуясь безопасностію нашей,
Становится сильнѣ Болинброкъ,
И средствами для бунта, и друзьями.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ужели ты не знаешь, малодушный,
Что лишь зайдетъ пытливыи глазъ небесъ,
Сіяющій надъ нашею планетой,
За шаръ земной, – разбойники и воры,
Незримые, изъ норъ своихъ выходятъ,
Для грабежей, убійствъ, кровавыхъ дѣлъ;
Когда жъ опять изъ-подъ земного шара
Свѣтило дня всплываетъ на востокъ
И озаритъ вершины гордыхъ сосенъ,
И въ каждую преступную нору
Прольетъ лучи пылающаго свѣта,
Тогда, лишась покрова тьмы ночной,
Позорный грѣхъ, убійство и измѣна
Дрожать въ своей безсильной наготѣ?
Такъ точно воръ, измѣнникъ Болинброкъ,
Что буйствовалъ всю ночь, когда мы были
Въ отсутствіи, какъ бы у антиподовъ,
Увидѣвъ, что опять на тронъ, востокъ нашъ,
Восходимъ мы, – покроется стыдомъ,
Не выдержитъ сіянія дневного
И задрожитъ предъ собственнымъ грѣхомъ.
Не могутъ смыть всѣ воды океана
Помазанья вѣнчаннаго монарха,
И слабому дыханію людей
Не низложитъ избранника Господня;
На каждого бойца, что съ Болинброкомъ
На золотой вѣнецъ нашъ поднялъ сталь,
По ангелу намъ Богъ пошлетъ въ защиту, –
И смертные падутъ предъ сонмомъ силъ,
Которыхъ самъ Господь вооружилъ.

Входитъ С А Л И С Б Е Р И .

Привѣтъ мой вамъ. Далеко ль ваше войско?

С А Л И С Б Е Р И .

Не дальше и не ближе, государь,

Чѣмъ слабая рука моя. Унынье
Сковало мой языкъ и мнѣ велитъ
Быть вѣстникомъ отчаянья. Властитель,
Одинъ лишь день пропущенный покрывъ
Все счастье дней твоихъ тяжелой тучей.
О, государь, верни вчерашній день –
И у тебя вновь будетъ двадцать тысячъ
Воителей: несчастное «сегодня»
Низвергнуло всю радость прежнихъ дней,
Твою судьбу, твой тронъ, твоихъ друзей.
Уэльцы всѣ разсѣялись, бѣжали:
Они тебя скончавшимся считали.

О МЕР ЛЬ.

Блѣднѣете вы, государь? Мужайтесь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мое лицо румянцемъ покрывала
До этихъ поръ столь многихъ тысячъ кровь:
Какъ не блѣднѣть, когда она сбѣжала,
Пока она не возвратится вновь.
Для гордости какое поражение:
Всѣ отъ меня бѣгутъ, ища спасенья!

О МЕР ЛЬ.

Ободритесь и вспомните – кто вы.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, я забылъ. Я развѣ не король?
Трусливое величье, проснися;

Оставили насъ тысячи именъ –
Не вдвое ль ихъ въ названьи государя?
Вооружись же имя короля:
Нашъ подданный затмить твой блескъ желаетъ!
Что головы склонили вы, друзья?
Ободритесь, наперсники монарха;
Высокъ нашъ санъ – и потому должны
На высотѣ парить и наши мысли.
Мой дядя Йоркъ имѣеть, знаю я,
Довольно силъ, чтобъ сослужить намъ службу.
Кто тамъ идетъ?

Входитъ С К Р У П Ъ.

СКРУПЪ.

Да ниспошлетъ Господь
Вамъ, государь, и радости, и счастья;
Но ихъ теперъ не можетъ возвѣститъ
Вамъ мой языкъ, настроенный печалью.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мой слухъ открытъ и духъ мой приготовленъ:
Какъ ни была бы вѣсть твоя дурна,
Касается она земной утраты.
Ну, говори. Я тронъ свой потерялъ?
Но этотъ тронъ моею былъ заботой, –
Потеря ли – заботу потерять?
Иль Болинброкъ сравниться хочетъ съ нами?
Въ величїи онъ насъ не превзойдетъ,
Но я и онъ – рабы Господни оба,
И въ этомъ съ нимъ равны мы безъ того.
Или народъ бунтуетъ? – Что же дѣлать:
Вѣдь, если онъ нарушилъ клятву намъ,
То, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушилъ вѣрность Богу.
Погибель, смерть? Она всѣхъ бѣдъ страшнѣй,
Но все равно намъ не уйти отъ ней.

СКРУПЪ.

Я радъ, что вы готовы, государь,
Перенести ужаснѣйшія вѣсти.
Какъ въ бурный день серебряныя рѣки
Вздуваются и топятъ берега,
Какъ будто міръ въ слезахъ готовъ растаять –
Такъ поднялась и вышла изъ границъ
Безумная свирѣпость Болинброка.
Она твою несчастную страну
Покрыла всю сверкающею сталью
И жесткими, какъ сталь, сердцами. Знай:
Противъ тебя съдобородый старецъ
Надвинулъ шлемъ на голый черепъ свой,
Мальчишка же свой тонкій женскій голосъ
Старается перемѣнить на бась,
И тяжкіе доспѣхи надѣваетъ
На юный свой и неокрѣпшій станъ:
Твой собственный усердный богомолецъ,
Монахъ, стрѣлять учиться сталь изъ лука,
Чтобъ этотъ лукъ направить на тебя;
Заржавѣвшимъ копьемъ вооружилась
Противъ твоей короны даже пряха;
Бунтуютъ всѣ, – и мальчикъ, и старикъ;

Все высказать не въ силахъ мой языкъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты рассказалъ намъ слишкомъ хорошо
Дурныя вѣсти. Гдѣ жь Уильтширъ, Бэготъ?
Что случилось съ Буши, Гриномъ? Какъ они
Дозволили опасному врагу
Расхаживать спокойно въ королевствѣ?
Поплатятся за это головой
Они, когда одержимъ мы побѣду.
Ручаюсь я: поладили они
Съ бунтовщикомъ!

СКРУПЪ.

Такъ точно, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О, гадины, мерзавцы, негодяи,
Проклятые измѣнники, собаки,
Готовые вилять хвостомъ предъ каждымъ!
Эхидны, кровью сердца моего
Согрѣтыя и это сердце жаломъ
Язвляющія! Предатели-Юды,
И каждый втрое хуже, чѣмъ Юда!
Поладили? О, пусть ужасный адъ
На грязныя ихъ души ополчится!

СКРУПЪ.

Я вижу, что нѣжнѣйшая любовь
Характеръ свой вдругъ можетъ измѣнить,
Въ смертельную преобразившись злобу.
Снимите съ нихъ проклятіе: они
Поладили не руку протянувъ,
А голову отдавши Болинброку.
Мечъ смерти ихъ ударомъ поразилъ –
И спать они во глубинѣ могилъ.

ОМЕРЛЬ.

Какъ! умерли графъ Уильтширъ, Буши, Гринъ?

СКРУПЪ.

Да, въ Бристолѣ; тамъ головы ихъ сняли.

ОМЕРЛЬ.

А гдѣ отецъ мой, герцогъ Юркскій съ войскомъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Гдѣ бѣ ни было. Никто пусть о надеждѣ
Не говоритъ; а будемъ толковать
О надписяхъ надгробныхъ, о могилахъ,
Да о червяхъ... Пыль превратимъ въ бумагу,
И горькими слезами на землѣ
Напишемъ мы рассказъ о нашей скорби.
Найдемъ себѣ душеприказчиковъ,
Поговоримъ о нашихъ завѣщаньяхъ...
Иль нѣтъ... вѣдь, что мы можемъ завѣщать?
Лишь бѣдныя тѣла свои могилѣ!
Имущества и жизни наши – все
Принадлежитъ не намъ, а Болинброку.
Что можемъ мы назвать теперь своимъ?
Лишь смерть, да клочекъ земли, что намъ послужить

92

Покрышкою и ложемъ для костей.
Усядемся и грустныя сказанья
Припомнимъ мы о смерти королей.
Одни изъ нихъ низвергнуты съ престола,
Другіе же погибли на войнѣ,
Преслѣдуемы призраками были
Монарховъ, что низвергнули они,
Иль женами отравлены своими,
Иль, спящіе, убиты... Сколько ихъ
Умерщвлено! – Да, въ пустотѣ короны,
Надъ бренными висками короля,
Гнѣздится смерть; тамъ шутъ сидитъ коварный,
Глумящійся надъ пышностью его,
Играющій его верховной властью.
И этотъ шутъ даетъ ему дышать,
Разыгрывать коротенькую сцену
Державнаго величія, быть грознымъ,
И взглядами своими убивать,
Внушивъ ему пустое самомнѣнье,
Забвеніе о бренности своей,
Какъ будто плоть, оградой которой
Окружена земная наша жизнь,
Вся отлита изъ вѣковѣчной мѣди.
И, наконецъ, натѣшившись надъ нимъ
Подкрадется – и, маленькой булавкой,
Твердыню ту проткнетъ – прощай, король!
Накройте же вы головы, милорды,
Торжественнымъ почтеніемъ своимъ

Надъ плотію и кровью не глумитесь;
Отбросьте прочь преданія и формы,
Пустой почетъ и пышный этикетъ:
До этихъ поръ во мнѣ вы ошибались;
Подобно вамъ, я пищею живу,
Я чувствую и скорби, и лишенья,
Нуждаюсь я въ друзьяхъ – подвластенъ я: –
Какъ можете вы звать меня монархомъ?

КАРЛЯЙЛЬ.

Мой государь, разумный человекъ
Унынію въ бѣдѣ не предается.
А тотчасъ же вступаетъ съ ней въ борьбу,
Чтобъ устранить дальнѣйшія несчастья.
Страхъ предъ врагомъ, въ васъ подавляя силу,
Изъ вашихъ рукъ даетъ ее врагу,
И противъ васъ встаетъ безумье ваше.
Страхъ смерть влечетъ, не худшимъ бой грозитъ,
И смерть въ бою другую смерть разить;
Но смерти мы – покорные рабы,
Отъ страха ей отдавшись безъ борьбы.

ОМЕРЛЬ.

У моего отца еще есть войско:
Освѣдомьтесь о немъ – и въ вашей власти
Подумать, какъ составить все изъ части.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты хорошо свой высказалъ упрекъ.
Сразимся же, надменный Болинброкъ;
Боязнь прошла, забылъ я про нее;
Не трудно намъ опять отнять свое.
Скажи мнѣ, Скрупъ, гдѣ Йоркъ, его отрядъ?
Будь веселѣй, чѣмъ пасмурный твой взглядъ.

СКРУПЪ.

По облакамъ и цвѣту въ небесахъ
Мы узнаемъ, какой намъ ждатель погоды:
Такъ вы въ моихъ померкнувшихъ глазахъ
Увидите лишь признаки невзгоды.
Я, какъ палачъ, длю пытку, чтобъ дойти
До самаго худого: герцогъ Йоркъ
Соединился тоже съ Болинброкомъ.
На сѣверѣ – сдались всѣ ваши замки;
На югѣ – все дворянство перешло
Къ бунтовщику.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Довольно! Будь ты проклять,
Кузень, за то, что свель меня съ пути,
Столь гладкаго, къ отчаянью. Ну что
Теперь ты скажешь? Гдѣ у насъ надежда?
Клянусь, навѣкъ возненавижу я
Того, кто мнѣ хотъ разъ о ней напомнимъ.
Отправимся мы въ замокъ Флинтъ, и тамъ
Отдамся я вполнѣ моей печали;
Властитель, рабъ несчастья своего,
Съ достоинствомъ перенесетъ его.
Моихъ солдатъ всѣхъ распустить: пускай
Тамъ пашутъ, гдѣ еще на урожай
Надежда есть; у насъ – надежды нѣтъ.
Не возражать! Напрасенъ тутъ совѣтъ.

ОМЕРЛЬ.

Мой государь, два слова...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Оскорбляетъ
Меня вдвойнѣ, кто думаетъ мнѣ льстить –
Приверженцевъ моихъ всѣхъ распустить:
Отъ Ричарда идутъ пусть къ Болинброку,
Изъ ночи въ день, отъ запада къ востоку.

СЦЕНА III.

Уэльсъ. Равнина у Флинтъ-кэстля.

*Входятъ съ барабаннымъ боемъ и знаменами:
Болинброкъ, Йоркъ, Нортomberландъ и другіе, съ войскомъ.*

БОЛИНБРОКЪ.

Итакъ, судя по этому извѣстью,
Уэльцы разбѣжались; Салисбери
Отправился навстрѣчу королю,
Приставшему у этихъ береговъ,
Съ немногими ближайшими друзьями.

НОРТОНБЕРЛЭНДЪ.

Вотъ вѣсть еще прекрасная: Ричардъ
Скрывается недалеко отсюда.

Іоркѣ.

Вамъ слѣдовало бѣ, лордѣ Нортонберлендѣ,
Сказать «король Ричардѣ». О, что за время!
Помазанникѣ скриваться принужденъ!

Нортонберлендѣ.

Толкуете вы ложно, ваша свѣтлость,
Мои слова: я титулъ пропустилъ
Для краткости – и только.

Іоркѣ.

Было время,
Когда бѣ король, за эту краткость съ нимѣ,
Короткую расправу сдѣлалъ съ вами:
За то, что вы такѣ голову задрали,
Онѣ на голову васѣ бы сократилъ.

Болинброкѣ.

Не нападайте, дядя, черезѣ мѣру

Іоркѣ.

Не заносись, племянникѣ, черезѣ мѣру,
Чтобѣ не упасть; не забывай: надѣ нами
Есть небеса.

Болинброкѣ.

Я помню это, дядя,
И противѣ нихѣ не возстаю. Кто это
Идетѣ сюда?

Входитѣ Перси.

Болинброкѣ.

Здорово, Гэрри. Ну?
Ужели замокъ не сдается?

Перси.

Онѣ
По-королевски укрѣпленъ.

Болинброкѣ.

Что значитѣ –
По-королевски? Вѣдь король не тамѣ?

Перси.

Онѣ тамѣ, милордѣ, въ оградѣ тѣхѣ твердынь
Изѣ камня и известки. Съ нимѣ – Омерль,
Сэрѣ Стефенѣ Скрупѣ, лордѣ Салисбери, также

Какая-то духовная особа,
Изъ высшихъ лицъ; кто – я не могъ узнать.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Должно быть, то Карляильскій лордъ-епископъ.

БОЛИНБРОКЪ.

Нортомберлэндъ, идите къ ребрамъ замка
Стариннаго; сквозь мѣдную трубу
Пошлите вы сигналъ переговоровъ, –
И вотъ что тамъ должны вы возвѣстить:
Что Болинброкъ, на оба ставъ колѣна,
Цѣлуетъ руку Ричарда-монарха
И шлетъ его особѣ высочайшей
Приверженность и преданность свою
Сердечную и вѣрную. Скажите,
Что я пришель – къ его стопамъ повергнуть
Оружіе мое и войско, съ тѣмъ
Условіемъ, чтобы мое изгнанье
Онъ отмѣнилъ, чтобы мои владѣнья
Возвращены мнѣ были. Если жъ нѣтъ –
То я моей воспользуюся силой,
И лѣтній прахъ полью дождями крови,
Изъ ранъ въ бою погибшихъ англичанъ.
Какъ далеко отъ сердца моего
Желаніе, чтобы покровъ зеленый
Его страны такую алой бурей
Увлажень былъ – показываетъ кротость,
Съ какою я склоняюсь передъ нимъ.
Идите же и возвѣстите это.
Мы будемъ ждать отвѣта на равнинѣ,
На томъ коврѣ зеленой муравы.

(Нортомберлэндъ подходитъ къ замку въ сопровожденіи трубача).

Пойдемъ туда безъ боя барабановъ,
Чтобъ съ ветхихъ стѣнъ тѣхъ ясно было видно,
Что съ не враждебной цѣлью мы пришли.
Я думаю, что если бы столкнулся
Я съ Ричардомъ, то наше столкновенье
Не менѣе ужасно было бъ, чѣмъ борьба
Огня съ водой, когда ударъ громовый,
При встрѣчѣ ихъ, внезапно разорветъ
Небесный сводъ, покрытый облаками.
Пусть будетъ онъ огнемъ, межъ тѣмъ какъ я
Уступчивой водою буду; пусть
Ярится онъ, а я прольюсь дождемъ
На землю, – да, не на него, на землю.

Идите же впередъ и наблюдайте
За Ричардомъ, какъ держится король.

Труба трубитъ сигналъ, ей отвѣчаетъ другая, изъ крѣпости на стѣнѣ появляются:
Король Ричардъ, Епископъ Карляйльскій, Омерль, Скрупъ и Салисбери.

ПЕРСИ.

Смотрите! вотъ самъ Ричардъ появился,
Какъ гнѣвное, краснѣющее солнце
Является изъ огненныхъ воротъ
Востока, вдругъ замѣтивши, что тучи,
Изъ зависти, желаютъ омрачить
Сіяніе его и бросить тѣнь
На путь его къ закату.

ІОРКЪ.

Онъ глядитъ,
Какъ истинный король; его глаза,
Блестящіе какъ у орла, сверкаютъ
Величіемъ; какой прекрасный видъ!
Но бѣдствіе, увы, его мрачитъ.

Король Ричардъ (*Нортмберлэнду*).

Мы въ изумлени; мы такъ долго ждали,
Чтобъ ты, дрожа, колѣни преклонилъ;

Мы королемъ твоимъ себя считали
До этихъ поръ; и если мы король,
То какъ ты смѣлъ забыть священный долгъ
Глубокаго почтенья передъ нами?
А если нѣтъ, то покажи намъ руку
Всевышняго, лишившую насъ трона:
Извѣстно намъ, что ни одна рука
Изъ крови и костей не можетъ нашимъ
Священнымъ скиптромъ овладѣть иначе,
Какъ лишь путемъ захвата, похищенья, –
Не можетъ взять его, не осквернивъ.
У васъ та мысль, что всѣ, подобно вамъ,
Отъ насъ душой своею отвратились,
Что слабы мы, что нѣтъ у насъ друзей;
Но знайте, что Господь нашъ всемогущій,
Среди своихъ громовыхъ облаковъ,
Сбираетъ рать губительной заразы,
На помощь намъ; и поразитъ она

Дѣтей, еще и не рожденныхъ вами,
Вассалами, поднявшими свой мечъ
Противъ меня, противъ моей короны.
Скажите Болинброку (это онъ
Стоитъ вонъ тамъ?), что каждый шагъ его
Здѣсь, по моимъ владѣніямъ – измѣна.
Явился онъ сюда, чтобъ развернуть
Пурпурную скрижаль войны кровавой;
Но, прежде чѣмъ желанною короной
Владѣть онъ будетъ мирно, десять тысячъ
Вѣнцовъ кровавыхъ, на челѣ сыновъ
Британіи, ей исказятъ лицо,
Въ ней блѣдный миръ смѣнятъ пурпурнымъ гнѣвомъ
И обольютъ траву ея полей
Потоками британской вѣрной крови.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Избави Богъ, чтобы на короля
Направилось оружіе усобиць,
Или войны! Кузень твой Болинброкъ
Почтительно твою цѣлуетъ руку,
И славною гробницей Эдуарда,
Что былъ вашъ дѣдъ, и царственною кровью,
Текущею у васъ обоихъ въ жилахъ,
Изъ одного источника, рукою
Воинственнаго Ганта, и своимъ
Достоинствомъ, и честью – какъ порукой
Правдивости и словъ его и клятвъ –
Клянется онъ, что онъ пришелъ искать
Лишь своего наслѣдья; на колѣняхъ
Васъ, государь, просить о возвращеніи
Немедленномъ ему всѣхъ правъ. Когда
Даровано ему все это будетъ,
То онъ своихъ коней поставитъ въ стойла,
На ржавчину оружье обречетъ,
А самъ себя – на вѣрную вамъ службу.
Клянется онъ въ своихъ словахъ, какъ принцъ;
Я, какъ джентльмэнъ, правдивости ихъ вѣрю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажи ему, что такъ король отвѣтилъ:
Я радъ принять кузена моего,
И всѣ его законныя желанья
Исполнятся, безъ спора. Передай
Ему привѣтъ мой, высказавъ его,
Какъ только можешь ты, краснорѣчивѣй.

(Нортomberлэндъ уходитъ.)

(Омерлю.)

Не правда ли: смиреніемъ такимъ
И этою столь ласковою рѣчью
Унизили себя мы? Не должны ль
Мы воротить назадъ Нортomberлэнда,
Чтобъ съ нимъ послать измѣннику нашъ вызовъ –
И умереть?

ОМЕРЛЬ.

Нѣтъ, добрый государь,
Сражаться будемъ кроткими словами,
Покуда къ намъ не явятся друзья
На выручку, вооружась мечами.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О, Господи! И мой языкъ, изрекшій
Изгнанія суровый приговоръ
Надъ гордецомъ, теперь могъ отмѣнить
Тотъ приговоръ словами примиренья!
О, если бы величіе мое
Равнялося моей великой скорби,
Иль не равнялось съ именемъ моимъ!
О, если бъ могъ не помнить я – чѣмъ былъ,
Или забыть – чѣмъ я теперь быть долженъ!
Ты бьешься, сердце гордое мое?
Даю тебѣ на это я свободу:
Мои враги теперь имѣютъ власть
Меня съ тобой разбить и уничтожить.

ОМЕРЛЬ.

Нортomberлэндъ идетъ отъ Болинброка.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что жъ королю осталось? покориться?
Король готовъ. Низложеннымъ быть съ трона?
Согласенъ онъ. Названье короля
Утратить? Пусть! Готовъ я уступить
Сокровища мои за связку четокъ;
Роскошный мой дворець отдать за келью;
Фигурами украшенные кубки –
За ковшъ простой изъ дерева; одежды
Парадные – за жалкія лохмотья;
А скипетръ мой – за посохъ пилигрима;
Всѣхъ подданныхъ – за пару образовъ;
Обширные владѣнья – за могилу,

За малую, безвѣстную могилу...
 Иль я бѣ желалъ похороненнымъ быть
 Среди большой дороги королевской,
 Среди пути всеобщаго движенья,
 Гдѣ подданныхъ нога бы попирала
 Во всякій часъ чело ихъ короля;
 Они теперь мнѣ сердце попираютъ,

Когда я живъ; такъ почему бы имъ
 Не попить и моего чела,
 Когда лежать я буду ужъ въ могилѣ?
 Ты плачешь, мой нѣжносердечный братъ!
 Мы вызовемъ слезами непогоду,
 И слезы тѣ, и съ ними наши вздохи
 Прибьютъ къ землѣ колосья лѣтнихъ нивъ,
 И принесутъ странѣ моей мятежной
 Неурожай. Или не лучше ль намъ
 Надъ нашими бѣдами посмѣяться,
 Затѣять бы игру посредствомъ слезъ?
 Такъ, напримѣръ: мы будемъ проливать
 Ихъ на одно и то же мѣсто, чтобъ
 Ихъ каплями намъ вырыть двѣ могилы;
 И надпись тамъ была бѣ такая: «Здѣсь
 Покоятся двоюродные братья,
 Что вырыли самимъ себѣ могилы
 Посредствомъ слезъ.» Не правда ли, что такъ
 Зло намъ къ добру послужить? Впрочемъ, я
 Болтаю вздоръ; вы надо мной смѣйтесь.

(Нортomberланду, вернувшемуся къ стѣнамъ замка.)

Всесильный принцъ, милордъ Нортomberландъ,
 Дозволить ли его величество –
 Жить Ричарду, пока не умеръ Ричардъ?
 Ему отвѣсь почтительный поклонъ –
 И, вѣрно, «да» тебѣ отвѣтитъ онъ.

НОРТОМБЕРЛАНДЪ.

Онъ, государь, на нижнемъ ждетъ дворѣ,
 Чтобъ говорить тамъ съ вами. Не угодно ль
 Сойти вамъ внизъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я низвергаюсь внизъ,

Какъ Фаэтонъ, который не сумѣлъ
Управиться съ упрямыми одрами.

(Нортomberландъ возвращается къ Болинброку.)

На нижній дворъ! Какое униженъе
Для короля! Къ измѣнникамъ итти,
На ихъ призывъ, и ублажать ихъ лестью!
На нижній дворъ? Сойти? – Сойди король!
Теперь кричатъ ночныя совы тамъ,
Гдѣ жаворонки взлетали къ облакамъ.

(Всѣ уходятъ со стѣны.)

БОЛИНБРОКЪ.

Что говоритъ его величество?

НОРТОНБЕРЛАНДЪ.

Отъ горести онъ точно помѣшался
И говоритъ, какъ будто бы въ бреду;
Но онъ идетъ.

(Король и свита появляются внизу.)

БОЛИНБРОКЪ.

Всѣ станьте въ сторонѣ.
Почтеніе къ монарху соблюдайте.

(Ричарду.)

Мой государь...

(Преклоняетъ колѣни.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузень, не преклоняйте
Своихъ колѣнъ, чтобъ низкая земля
Ихъ царственнымъ лобзаньемъ не гордилась.
Пріятнѣе мнѣ было бъ, если бъ вашу
Любовь ко мнѣ я чувать сердцемъ могъ,
Чѣмъ созерцать мнѣ недовольнымъ взоромъ
Лишь вѣжливость. Вставайте же, вставайте:
Вѣдь, знаю я, въ васъ сердце поднялось

(Прикасясь къ своей головѣ)

До этихъ поръ, хотъ ваши ноги гнутся.

БОЛИНБРОКЪ.

Я за своимъ лишь, государь, явился.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что ваше, то и остается вашимъ;
Я тоже вашъ, какъ все.

БОЛИНБРОКЪ.

Настолько будьте
Моимъ, какъ я сумѣю заслужить
Отъ васъ любовь моею вѣрной службой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Тотъ заслужилъ – имѣть, кому извѣстно
Сильнѣйшее, надежнѣйшее средство –
Приобрѣтать: вы, значитъ, заслужили.
Мой дядя, дай мнѣ руку; нѣтъ, сперва
Отри глаза: въ слезахъ видна любовь, –
Нѣтъ помощи. Кузень, я слишкомъ молодъ,
Чтобъ вашимъ быть отцомъ, хоть вы довольно
Ужъ взрослые, чтобъ наслѣдникомъ мнѣ быть.
Я дамъ вамъ все, чего вы захотите, –
Охотно дамъ: должны мы дѣлать то,
Что дѣлать намъ приказываетъ сила.
Мы – въ Лондонъ? Да? Таковъ ли вашъ отвѣтъ?

БОЛИНБРОКЪ.

Да.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ и я сказать не смѣю: «нѣтъ».

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Лэнгли. Садъ герцога Йоркского.

Входятъ КОРОЛЕВА и двѣ изъ ея придворныхъ ДАМЪ.

КОРОЛЕВА.

Какую намъ придумать бы игру,
Чтобъ отогнать гнетущую заботу?

1-я ДАМА.

Не поиграть ли намъ въ шары?

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, это
Напомнитъ мнѣ, что міръ препятствій полонъ
И что судьба идетъ противъ меня.

1 - я ДАМА.

Такъ танцовать мы будемъ.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, вѣдь, ноги
Не попадутъ въ веселый мѣрный тактъ,
Когда въ тоскѣ не знаетъ сердце мѣры.
Придумайте другое что-нибудь.

1 - я ДАМА.

Такъ повѣсти рассказывать мы будемъ.

КОРОЛЕВА.

Веселыя иль грустныя?

1 - я ДАМА.

И тѣ,
И эти.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, не нужно никакихъ:
Для первыхъ – нѣтъ веселости во мнѣ,
И лишь сильнѣй онѣ напомнятъ горе;
А грустныя – прибавятъ только грусти:
Ея во мнѣ довольно ужъ и такъ.
Что есть – того мнѣ умножать ненужно,
Чего же нѣтъ – о томъ къ чему жалѣть?

1 - я ДАМА.

Я буду пѣть.

КОРОЛЕВА.

Прекрасно, что имѣешь
Ты поводъ пѣть; но было бѣ мнѣ пріятнѣй,
Когда бы ты заплакала.

1 - я ДАМА.

Охотно
Заплакала бѣ, когда бы это пользу
Вамъ принести могло.

КОРОЛЕВА.

Я – тоже,
Когда бы плачь мнѣ доставлялъ отраду;

И у тебя не занимала бь слезь.
Постой – идуць садовники сюда;
Мы спрячемся за эти, воть, деревья:
Держу пари – они заговорять
О нынѣшнихъ событьяхъ въ государствѣ.
Бываеть такъ предъ каждой перемѣной:
Толкують всѣ; передъ бѣдой сперва
Проносится тревожная молва.

(Королева и дамы отходятъ въ сторону.)

Входитъ Садовникъ съ двумя работниками.

Садовникъ (первому работнику).

Ступай: вонъ тамъ повисли абрикосы,
Какъ дѣти, что заставили отца
Отъ тяжести чрезмѣрной ихъ согнутья;
Ихъ подвяжи, опору дай вѣтвямъ.

(Другому работнику).

Ты, какъ палачь, срѣжь головы побѣгамъ,
Что черезчуръ поспѣшно лѣзуть вверхъ
И гордо такъ выглядываютъ въ нашей
Республикѣ; въ ней все должно быть ровно.
А я пойду и плевелы повырву,
Которыя вытягиваютъ сокъ,
Въ ущербъ цвѣтамъ, изъ плодородной почвы.

1-й Работникъ.

Къ чему намъ здѣсь, въ оградѣ этой тѣсной,
Поддерживать порядокъ и законъ
И соблюдать пропорціи и формы,
Когда тотъ садъ, что моремъ окружень,
Вся Англія, наполнена крапивой?
Заглохли въ ней прекрасные цвѣты,
Плодовыя деревья остаются
Безъ всякаго ухода; всѣ плетни
Разрушились; дорожки въ беспорядкѣ,
И гадины кишать въ ея травѣ.

Садовникъ.

Молчи, молчи. Кто это допустилъ,
Тотъ самъ теперь подвергся листопаду;
Тѣ плевелы, которыя росли
Подъ кровлею его широкихъ листьевъ,
Какъ бы ему опорой служа,
Но, въ сущности, его же пожирая,
Повырваны съ корнями Болинброкомъ.

Я говорю объ Уильтширѣ, о Буши
И Гринѣ.

1-й РАБОТНИКЪ.

Какъ, они умерщвлены?

САДОВНИКЪ.

Да; и король захваченъ Болинброкомъ.
Какъ жаль, что онъ за собственной страной
Не наблюдалъ, какъ мы за этимъ садомъ!
Мы вѣвремя надрѣзываемъ кору
На фруктовыхъ деревьяхъ нашихъ, чтобъ
Чрезмѣрное обиліе въ нихъ соковъ
Не принесло для нихъ самихъ вреда.
Когда бы онъ такъ точно поступалъ
Съ вельможами, что слишкомъ лѣзутъ въ гору,
Они могли бы приносить, а онъ –
Вкушать плоды исполненнаго долга.
Мы лишнія отрѣзываемъ вѣтви,
Чтобъ жить могли тѣ, что приносятъ плодъ:
Когда бъ король такъ точно поступалъ,
То сохранилъ бы онъ свою корону,
Что сброшена теперь съ него совсѣмъ,
Безпечностью бездѣльнаго досуга.

1-й РАБОТНИКЪ.

Ты думаешь, низложить короля?

САДОВНИКЪ.

Онъ укрощенъ ужъ и теперь; затѣмъ –
Возможно, что его низложить. Ночью
Получены однимъ изъ близкихъ Юрку
Друзей весьма нерадостныя письма.

КОРОЛЕВА.

Я задыхаюсь! Не могу молчать!

(Королева выходитъ съ дамами изъ-за кустовъ.)

Ты, старое подобіе Адама,

Назначенный смотрѣть за этимъ садомъ,
Какъ смѣешь ты, шаршавымъ языкомъ,
Провозглашать дурныя эти вѣсти?

И что за змѣй коварный, что за Ева
Внушили мысль преступную тебѣ –
Вторичное свершить грѣхопаденье?
Ты говоришь, король Ричардъ низложенъ?
Какъ смѣешь ты, кто чуть получше грязи,
Предсказывать паденіе его?
Гдѣ, какъ, когда ты слышалъ эту новость?
Ну, говори, негодный!

САДОВНИКЪ.

Королева,
Простите мнѣ; не весело мнѣ это
Разсказывать, но говорю я правду.
Король теперь во власти Болинброка,
И взвѣшена судьба ихъ обоихъ.
На чашѣ той, гдѣ вашъ супругъ – лишь онъ,
Да нѣсколько, при немъ, пустыхъ ничтожествъ,
И легкій вѣсъ они ему даютъ;
А на другой – великій Болинброкъ
И, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ англійскіе пѣры;
А съ этою прибавкою далеко
Онъ короля Ричарда перевѣсилъ.
Отправьтесь вы въ Лондонъ – и вы сами
Увидите, что такъ идутъ дѣла.
Я говорю лишь то, что всѣмъ извѣстно.

КОРОЛЕВА.

О, быстрое, проворное несчастье,
Не мнѣ ли вѣсть твоя принадлежитъ,
А я ее послѣдняя узнала?
Мнѣ послѣ всѣхъ ее ты принесло,
Чтобъ скорбь твою я дольше сохраняла
Въ моей груди. Поѣдемте же въ Лондонъ,
Чтобы его властителя въ бѣдѣ
Тамъ увидать. Затѣмъ ли родилась я,
Чтобы мой видъ печальный украшалъ
Надменные триумфы Болинброка?
Садовникъ, за твою дурную вѣсть,
Пусть не растутъ вовѣкъ твои прививки!

(Королева и дамы уходятъ.)

САДОВНИКЪ.

Несчастливая, бѣдняжка королева!
Когда бъ твое проклятіе могло
Тебя спасти, то я свое искусство
Охотно бы повергъ ему. Вотъ здѣсь

Ея слеза упала: въ этомъ мѣстѣ
Устрою я гряду изъ горькой руты,
Чтобъ этотъ знакъ печальный здѣсь возросъ,
Въ воспоминанье королевскихъ слезъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Уэстминстеръ-Голь. Лорды духовные – по правую сторону трона,
лорды свѣтскіе – по лѣвую; внизу – общины.

Входятъ: Болинброкъ, Омерль, Серрей, Нортomberландъ, Перси,
Фицуотеръ, *еще одинъ* Лордъ, Епископъ Карляильскій, Аббатъ
Уэстминстерскій *и свита; позади* Бэготъ, *подъ стражей.*

Болинброкъ.

Пусть подойдетъ поближе Бэготъ.

(Его выводятъ впередъ.)

Бэготъ,
Разсказывай свободно, не стѣснясь,
Что знаешь ты о Глостеровой смерти:
Кто заговоръ составилъ съ королемъ,
Кто совершилъ кровавое дѣянье,
Чтобъ герцога кончину ускорить?

Бэготъ.

Пусть предо мною станеть лордъ Омерль.

Болинброкъ.

Кузень мой, стань предъ этимъ человѣкомъ.

Бэготъ.

Милордъ Омерль, отважный вашъ языкъ,
Увѣренъ я, пренебрежетъ отречься
Отъ словъ, что онъ однажды произнесъ.
Въ печальное то время, какъ была
Замышлена смерть Глостера, я слышалъ
Какъ вы, милордъ, сказали: «Не длинна ли
Моя рука, когда она способна
Достать отсель до самаго Кале,
До головы живущаго тамъ дяди?»
Въ тѣ жъ времена, средь многихъ разговоровъ,
Сказали вы (я слышалъ это самъ),
Что вы скорѣй отъ сотни тысячъ кронъ

Откажетесь, чѣмъ согласитесь видѣть,
Что въ Англiю вернулся Болинброкъ;
И къ этому прибавили вы тутъ же,
Что было бы спасеньемъ для страны,
Когда бы вашъ кузень скончался.

ОМЕРЛЬ.

Принцы
И лорды, что я долженъ отвѣчать
Презрѣнному? Могу ль я опозорить
Настолько блескъ моихъ прекрасныхъ звѣздъ,
Чтобъ наказать клеветника, какъ ровню?
Придется мнѣ, иль будетъ честь моя
Поругана злословьемъ негодяя. *(Бѣготу.)*
Вотъ мой залогъ, печать ручная смерти,
Что на тебя кладеть отмѣтку: «въ адъ!»
Я говорю – ты лжешь; твоею кровью

98

Я докажу, что ты сказалъ неправду,
Хоть слишкомъ ужъ презрѣнна эта кровь,
Чтобъ рыцарскій мой мечъ пятнать собою.

(Бросаетъ перчатку.)

БОЛИНБРОКЪ.

Стой, Бѣготъ, стой, – не подымай перчатки.

ОМЕРЛЬ.

Желалъ бы я противникомъ имѣть
Знатнѣйшаго изъ этого собранья,
Одну лишь здѣсь особу исключивъ.

ФИЦУОТЕРЪ.

Коль равенства твоя желаетъ храбрость,
Вотъ мой залогъ, Омерль, въ обмѣнъ на твой.

(Бросаетъ перчатку.)

Клянуся я прекраснымъ этимъ солнцемъ,
Которое показываетъ мнѣ –
Гдѣ ты стоишь, я слышалъ, какъ сказалъ ты
(И съ похвалой ты это говорилъ),
Что смерти той былъ ты причиной. Если
Ты вздумаешь отъ словъ своихъ отречься,
Хоть двадцать разъ, то я скажу: ты лжешь

И ложь твою, концомъ моей рапиры
Я возвращу въ твое же сердце, гдѣ
Она была задумана.

ОМЕРЛЬ.

Ты трусь,
Дожить до дня такого не посмѣешь.

ФИЦУОТЕРЬ.

Клянусь душой моею, я бѣ желалъ,
Чтобъ это было тотчасъ.

ОМЕРЛЬ.

Фицуотерь,
Гееннѣ ты отнынѣ обреченъ.

ПЕРСИ.

Омерль, ты лжешь; онъ въ вызовѣ своемъ
Настолько же правдивъ, какъ ты безчестенъ.
Что ты не правъ – я буду утверждать
До твоего послѣдняго дыханья.
Вотъ мой залогъ; прими, когда посмѣешь.

(Бросаетъ перчатку.)

ОМЕРЛЬ.

Пусть у меня отсохнутъ руки, если
Я не приму; пусть никогда ужъ больше
Онъ на шлемъ сверкающій врага
Мой мстящій мечъ поднять не будутъ въ силахъ!

ДРУГОЙ ЛОРДЪ.

Я утверждаю то же, вѣроломный
Омерль; и, чтобъ тебя разгорячить,
Кричать въ твое предательское ухо
Я буду «лжешь!» до вечера съ утра.

ОМЕРЛЬ.

Ну, кто еще противъ меня? Клянусь,
Всѣхъ вызвать я готовъ; моей отваги
И мужества на тысячу людей
Достало бы, чтобъ вызвать двадцать тысячъ
Такихъ, какъ вы.

СЕРРЕЙ.

Милордъ Фицуотерь, помню
Я хорошо: вы разговоръ вели
Тогда съ Омерлемъ.

ФИЦУОТЕРЬ.

Да, вы были съ нами,
И можете свидѣтелемъ мнѣ быть,
Что говорю я правду.

СЕРРЕЙ.

Нѣтъ, клянусь,
Настолько ложь, какъ небеса правдивы.

ФИЦУОТЕРЬ.

Сэррей, ты лжешь.

СЕРРЕЙ.

Безсовѣстный мальчишка!
Такая ложь такъ тяжело наляжетъ
На мечъ мой, что онъ будетъ мстить, карать,
Покуда лжець и ложь его не будутъ
Лежать въ землѣ, какъ обнаженный черепъ
Его отца. Вотъ мой залогъ, возьми,
Храни его для битвы, если смѣешь.

ФИЦУОТЕРЬ.

Какъ шпорить ты горячаго коня!
Когда пить, ѣсть, дышать и жить я смѣю –
Осмѣлюсь я и съ Сэрреемъ сойтись,
Въ какой-нибудь пустынь, чтобы плюнуть
Ему въ лицо и повторять ему:
«Ты лжешь, ты лжешь, ты лжешь!» Вотъ узы чести,
Которыми тебя я обязалъ –
Подвергнуться моей суровой карѣ.

(Бросаетъ перчатку.)

Какъ вѣрно то, что в этомъ для меня
Столь новомъ свѣтѣ я намѣреваюсь
Преуспѣвать, такъ вѣрно обвиненье
Мое противъ Омерля. Сверхъ того,
Отъ Норфолька, изгнанника, я слышалъ,
Что ты, Омерль, своихъ двухъ слугъ тогда
Послалъ въ Кале, для умерщвления дяди.

ОМЕРЛЬ.

Пусть кто-нибудь изъ честныхъ христіанъ
Ссудить меня своей перчаткой! Норфолькъ
Солгалъ. И я ему бросаю это,
Когда его изъ ссылки вызвать можно,
Чтобъ честь свою онъ защитилъ.

Болинброкъ.

Довольно!
Отложены пусть будутъ эти распри
До времени, когда вернется Норфолькъ.
Изъ ссылки онъ отозванъ будетъ – да;
И хоть онъ врагъ мнѣ, всѣ свои владѣнья,
Всѣ земли вновь получить онъ. Тогда
Велимъ ему принять Омерля вызовъ.

99

Карляйль.

Почетный день тотъ не придетъ. Не разъ
Изгнанникъ Норфолькъ за Христа сражался,
На славномъ полѣ вѣры христіанской,
Подъ знаменемъ Креста, противу турокъ,
Язычниковъ и сарацинъ. Затѣмъ,
Измученный трудами боевыми,
Въ Италію онъ удалился. Тамъ,
Въ Венеціи, свое онъ отдалъ тѣло
Землѣ тѣхъ странъ плѣнительныхъ, а душу
Невинную – вождю его, Христу,
Подъ знаменемъ котораго такъ долго
Онъ ратовалъ.

Болинброкъ.

Какъ, развѣ Норфолькъ умеръ?

Карляйль.

Да; это вѣрно столько же, какъ то,
Что я вижу.

Болинброкъ.

Пусть кроткій духъ его
Покоится на лонѣ Авраама!
Милорды, всѣ раздоры ваши будутъ
Отложены до той поры, когда
Назначимъ мы вамъ дни для поединковъ.

Входитъ Горкъ со свитой.

Горкъ.

Великій герцогъ Ланкастеръ, къ тебѣ
Меня прислалъ лишенный власти Ричардъ.
Наслѣдникомъ тебя онъ назначаетъ,

Передаеть свой скипетръ добровольно
Во власть твою державную. Взойди
На тронъ его, съ котораго онъ сходитъ.
Пусть много лѣтъ живетъ счастливо Генрихъ,
Четвертый съ этимъ именемъ король!

БОЛИНБРОКЪ.

Во имя Бога, я вступаю нынѣ
На королевскій тронъ.

КАРЛЯЙЛЬ.

Избави Богъ!
Какъ ни была бы рѣчь моя груба
Для этого высокаго собранья,
Но лучше мнѣ всю правду говорить.
О если бъ здѣсь, въ собраньи благородномъ,
Быль кто-нибудь настолько благородень,
Чтобъ Ричарда быть праведнымъ судьей!
Дѣйствительнымъ водимый благородствомъ,
Неправды бъ онъ такой не допустилъ.
Изъ подданныхъ кто смѣетъ приговоръ
Произносить надъ собственнымъ монархомъ?
А кто изъ васъ – не подданный его?
Не выслушавъ, не судяты и воровъ,
Какъ ни была бъ вина ихъ очевидна:
Такъ можетъ ли земное отраженье
Величя Творца, его намѣстникъ,
Правитель, вождь, помазанникъ вѣнчанный,
Сидѣвшій ужъ на тронѣ много лѣтъ,
Быть осужденъ подвластными своими,
Да и, притомъ, заочно? Богъ избавь
Насъ отъ того, чтобъ въ христіанскомъ царствѣ
Столь черное, позорное и злое,
И гнусное дѣянье совершилось!
Какъ подданный, я это говорю,
И подданнымъ, по повѣленью Бога,
Безтрепетно, въ защиту короля.
Лордъ Гирфордъ здѣсь, котораго зовете
Вы королемъ – измѣнникъ королю;
И если вы возложите корону
На голову его, то я пророчу:
Кровь англичанъ зальетъ родную землю,
Подымется въ вѣкахъ грядущихъ стонъ
Отъ этого поступка; миръ уйдетъ
Покоиться у турокъ и невѣрныхъ,
А здѣсь, въ его жилищѣ, буря войнъ

Внесеть раздоръ въ среду родныхъ и кровныхъ;
Мятежъ, борьба и страхъ, и безпорядокъ
Здѣсь будутъ жить, – и наша сторона
Голговою, кладбищемъ назовется.
О, если вы свой королевскій домъ
Воздвигнете противъ того же дома, –
Изъ этого произойдетъ раздоръ,
Ужаснѣйшій изъ всѣхъ, что низвергались
Когда-нибудь на проклятую землю.
Возстаньте же, бѣды не допустите,
Чтобъ за такой губительный разладъ
Не прокляли васъ чада вашихъ чадъ!

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Вы хорошо все расписали, сэръ.
За этотъ трудъ мы тутъ же арестуемъ
Васъ, обвинивъ въ измѣнѣ. Лордъ Уэстминстеръ,
Ввѣряется забота вамъ – держать
Его до дня суда подъ стражей. Лорды,
Благоволите выслушать теперь
Прошенье общинъ.

БОЛИНБРОКЪ.

Ричарда позвать,
Чтобъ здѣсь, при всѣхъ, отрекся онъ отъ трона,
Чѣмъ въ дѣйствіяхъ своихъ дальнѣйшихъ мы
Избавимся отъ всякихъ подозрѣній.

ГОРКЪ.

Я приведу его.

(Уходитъ.)

БОЛИНБРОКЪ.

Милорды, вы,
Которые находитесь подъ нашимъ
Арестомъ здѣсь, доставьте за себя
До дня суда надежныя поруки.

(Карляйлю.)

100

Мы мало къ намъ любви встрѣчали въ васъ –
И помощи отъ васъ не ожидали.

ГОРКЪ возвращается съ КОРОЛЕМЪ РИЧАРДОМЪ; за ними несутъ корону и другіе регалии.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Увы, зачѣмъ я призванъ къ королю,
Не отрѣшась отъ королевскихъ мыслей,
Съ которыми я царствовалъ? Я льстить,
Наушничать, сгибать мои колѣни
И кланяться еще не научился:
Такъ дайте срокъ, чтобы меня печаль
Покорности подобной научила.
Однакоже, я помню хорошо
Черты людей вотъ этихъ; и не мнѣ ль
Недавно такъ они принадлежали?
Не мнѣ ль они «да здравствуетъ!» кричали?
Такъ поступилъ Иуда со Христомъ,
Но изъ двѣнадцати учениковъ
Лишь въ немъ одномъ Христосъ нашелъ измѣну;
Я жъ въ вѣрности не нахожу ни въ комъ,
И у меня Иудъ двѣнадцать тысячъ!
Да здравствуетъ король! Ужель не скажетъ
Никто «аминь»? Ужель, въ одномъ лицѣ,
Я долженъ быть – священникъ и причетникъ?
Итакъ, аминь! да здравствуетъ король!
Я – не король, но говорю, «аминь»,
Когда меня такимъ считаетъ Небо.
Зачѣмъ я здѣсь?

ГОРКЪ.

За тѣмъ, чтобъ совершить,
По собственной и доброй волѣ, то,
Что внушено величьемъ утомленнымъ:
Чтобъ передать свой королевскій санъ
И свой вѣнецъ державный Болинброку.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Подайте мнѣ корону. Вотъ, кузень,
Бери ее, – не съ этой стороны,
А съ той, – здѣсь я возьму. Корона эта
Подобится глубокому колодцу,
Гдѣ два ведра; пустое всегда
Стремится вверхъ, а полное водою
Незримо внизъ спускается: ведро,
Что внизъ идетъ и слезъ полно – я самъ,
Упившійся печалью моими,
Межъ тѣмъ какъ ты восходишь вверхъ.

БОЛИНБРОКЪ.

Я думалъ,

Что сами вы желаете отречься.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, отъ моей короны; но печали
Останутся при мнѣ. Лишить меня
Вы можете величія и власти,
Но не скорбей моихъ; я остаюсь
Ихъ королемъ.

БОЛИНБРОКЪ.

Вы часть своихъ заботъ
Даете мнѣ, съ короной вашей вмѣстѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Заботы, что являются для васъ,
Моихъ заботъ не могутъ уничтожить:
Забочусь я о томъ, что потерялъ
Я прежнія заботы; а твоя
Забота въ томъ, что новыя заботы
Ты приобрѣлъ. Заботы, что я отдалъ...
Съ короною моею уйдутъ онѣ,
И все-таки останутся при мнѣ.

БОЛИНБРОКЪ.

Согласны ль вы отрѣчься отъ короны?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да... нѣтъ, – нѣтъ... да; – я долженъ быть ничѣмъ,
А потому и «нѣтъ» здѣсь неумѣстно.
Да, для тебя я отрекаюсь. Вотъ,
Смотри, какъ самъ себя я уничтожу:
Я съ головы снимаю мой вѣнецъ,
Изъ рукъ моихъ роняю тяжкій скипетръ,
Державнаго владычества гордыню
Изъ моего я сердца исторгаю,
Священное помазанье мое
Моими же слезами я смываю,
Своею рукой корону отдаю,
Самъ королемъ себя не признаю,
Мнѣ данныя присяги объявляю
Ничтожными; отъ всякаго величья
И пышности, и блеска, отъ моихъ
Доходовъ, рентъ, земель – я отрекаюсь;
И всѣ мои декреты и статуты,
Всѣ дѣйствія мои – я отмѣняю.
Пусть Богъ проститъ нарушенныя клятвы
На вѣрность мнѣ, храня ненарушимо

Тѣ, что тебѣ даны; да ниспошлетъ
Мнѣ, у кого нѣтъ больше ничего,
Онъ силу – ужъ ничѣмъ не огорчаться,
И дастъ тебѣ, достигшему всего,
Во всѣхъ дѣлахъ успѣхомъ наслаждаться.
Желаю я, чтобы ты долго жилъ
И возсѣдалъ на Ричардовомъ тронѣ,
А Ричарду желаю поскорѣй
Въ могилу лечь. Пусть Богъ тебя хранить! –
Развѣнчанный такъ Ричардъ говоритъ; –
Пусть Генриху, на многія Онъ лѣта,
Дни ниспошлетъ, исполненные свѣта! –
Что мнѣ еще осталось?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ничего, –
Лишь вслухъ прочесть вотъ эти обвиненья,
Въ тѣхъ дѣйствіяхъ преступныхъ, что вы сами,
Или клеветы ваши совершили,
Во вредъ странѣ и противъ государства.
Сознанье ихъ – всѣхъ убѣдить, что вы
Низложены законно.

101

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Неужели
Я долженъ сдѣлать это? Неужели
Я долженъ ткань безумья моего
Здѣсь развернуть предъ всѣми? Добрый мой
Нортонберландъ, когда бѣ твои проступки
Записаны такъ были, неужели
Тебѣ прочесть ихъ - не было бы стыдно,
Въ собраніи такомъ? Когда бѣ тебѣ
Пришлось читать ихъ, ты бѣ нашель въ томъ списокѣ
Позорный пунктъ: сверженье короля,
Преступное присяги нарушенье;
Отмѣчены они въ небесной книгѣ,
Осуждены они на небесахъ,
Осуждены и всѣ вы, что стоите
И смотрите спокойно на меня,
Межъ тѣмъ какъ я подавленъ страшнымъ горемъ.
Хотя изъ васъ есть нѣсколько такихъ,
Что, какъ Пилать, здѣсь руки умываютъ,

И жалости показываютъ видъ, –
Но все же вы, Пилаты, предаете
Меня кресту, и вашего грѣха
Не можетъ смыть вода.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Поторопитесь,
Милордъ, прочесть вотъ эти всѣ статьи.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Глаза мои наполнены слезами,
И не могу я видѣть этихъ строкъ.
Но солнечная вода не ослѣпляетъ
Мнѣ зрѣнія настолько, чтобъ не могъ
Замѣтить я собравшейся здѣсь шайки
Измѣнниковъ; и, глядя на себя,
Я нахожу, что я и самъ измѣнникъ:
Согласье далъ я – тѣло короля
Лишить одеждъ, унижилъ славу трона,
Властителя я превратилъ въ раба,
Величество – въ подвластнаго; владыку –
Въ сельчанина простого.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Господинъ...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не господинъ я твой, наглець надменный,
Да и ничей не господинъ. Теперь
Нѣтъ у меня ни званья, ни титула,
Ни имени, что было при крещеньи
Дано мнѣ, – все похищено. Увы,
Тяжелый день: проживши столько зимъ,
Не знать – какимъ мнѣ именемъ назваться!
Желалъ бы я потѣшнымъ королемъ
Изъ снѣга быть, чтобъ въ капли превратиться,
Растаявши подъ солнцемъ Болинброка!
Великій мой и добрый мой король, –
Хоть доброта твоя не велика, –
Когда слова мои еще имѣютъ
Какой-нибудь вѣсь въ Англии, вели
Мнѣ зеркало тотчасъ же принести:
Хочу взглянуть – какое у меня
Лицо теперь, утративши свой титулъ
Величества.

БОЛИНБРОКЪ.

Сходите кто-нибудь
За зеркаломъ.

(Одинъ изъ придворныхъ уходитъ.)

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А между тѣмъ, бумагу
Прочтите вы.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Злой духъ, зачѣмъ терзаешь
Меня, когда еще я не въ аду?

БОЛИНБРОКЪ.

Не требуйте, милордъ Нортomberлэндъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Но общины не будутъ тѣмъ довольны.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Нѣтъ, будутъ: я достаточно прочту,
Когда взгляну въ ту самую я книгу,
Гдѣ всѣ мои записаны грѣхи;
А книга та – я самъ.

(Придворный возвращается съ зеркаломъ.)

Подай сюда
Мнѣ зеркало; я буду въ немъ читать.

(Смотрится въ зеркало.)

Какъ! нѣтъ еще морщинъ, поглубже этихъ?
Ужели скорбь, что нанесла такъ много
Ударовъ мнѣ по этому лицу,
Глубокихъ ранъ ему не причинила?
О, льстивое стекло, ты такъ же лжешь,
Какъ и мои приверженцы въ дни счастья!
Ужель лицо вотъ это было тѣмъ,
Что тысячи народа собирало
Подъ кровлею моею каждый день;
Что зрителей слѣпило, точно солнце;
Что видѣло такъ много сумасбродствъ
И, наконецъ, померкнуло, свой видъ
Утративши, при видѣ Болинброка?
Непрочная сіяетъ слава въ немъ,
Непрочно и само оно, какъ слава!

(Съ силой бросаетъ зеркало на полъ.)

Вотъ въ дребезги разбилось оно.

Замѣть, король безмолвный, истребленья
Подобнаго мораль: какъ быстро горе
Разрушило мое лицо.

Болинброкъ.

Тѣнь горя
Разрушила тѣнь вашего лица.

Король Ричардъ.

Какъ? повтори, – тѣнь горя? Это правда:
Моя печаль лежитъ внутри меня,
И внѣшнія всѣ эти проявленья,

102

Моихъ скорбей – не болѣе, какъ тѣнь
Той горести, которая незримо
Вздывается въ истерзанной душѣ.
Тамъ сущность! Какъ тебѣ я благодарень,
За доброту великую, король:
Не только мнѣ ты поводъ далъ для скорби,
Но учишь – какъ оплакивать его.
Еще одной я милости прошу,
Затѣмъ ужъ васъ не буду беспокоить,
И удалюсь. Я получу ль ее?

Болинброкъ.

Въ чемъ милость та, прекрасный мой кузень?

Король Ричардъ.

Прекрасный мой кузень? Ну, вотъ, теперь
Я больше, чѣмъ король: бывъ королемъ,
Въ числѣ льстецовъ лишъ подданныхъ я видѣлъ;
Ставъ подданнымъ, я короля имѣю
Своимъ льстецомъ. Достигнувши такого
Величія, я не нуждаюсь въ просьбахъ.

Болинброкъ.

Такъ требуйте.

Король Ричардъ.

И получу?

Болинброкъ.

Конечно.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Позвольте мнѣ уйти.

БОЛИНБРОКЪ.

Куда?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Куда

Велите вы; лишь васъ бы мнѣ не видѣть.

БОЛИНБРОКЪ.

Пусть кто-нибудь его проводить въ Тѳуэръ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Проводить! да, – вы всѣ – проводники:
Извѣстны вамъ пути – въ обходъ закона,
Возвыситься, монарха свергнувъ съ трона.

(Король, нѣсколько лордовъ и стража уходятъ.)

БОЛИНБРОКЪ.

Готовьтесь, милорды: въ среду мы
Торжественно короноваться будемъ.

(Всѣ уходятъ, кромѣ епископа Карляйльскаго, аббата Уэстминстерскаго и Омерля.)

АББАТЪ.

Печальную мы сцену созерцали.

КАРЛЯЙЛЬ.

И отъ нея великія печали
Произойдутъ; въ грядущемъ этотъ день,
Какъ острый тернь, почувствуютъ потомки.

ОМЕРЛЬ.

Ужель нѣтъ средствъ – избавить государство
Отъ этого позорнаго пятна,
Отъ гибели, отцы святыя?

АББАТЪ.

Прежде
Чѣмъ выскажусь объ этомъ откровенно,
Должны вы мнѣ, причастіе принявъ,
Дать клятву, что не только сохраните
Намѣренья мои въ глубокой тайнѣ,
Но будете вы также исполнять
Все, что за тѣмъ случится мнѣ придумать.
У васъ въ чертахъ я вижу недовольство,

Въ сердцахъ – печаль, въ глазахъ же вашихъ слезы, –
Пойдемте-ка поужинать ко мнѣ:
Я сообщу вамъ планъ, что подаетъ
Всѣмъ намъ на дни прекрасные надежду.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица, ведущая къ Тоуэру.

Входятъ КОРОЛЕВА и придворныя ДАМЫ.

КОРОЛЕВА.

Вотъ здѣсь пройдетъ король къ злосчастной башнѣ
Что, на бѣду, построилъ Юлій Цезарь:
Тамъ узникомъ быть мужу моему
Назначено надменнымъ Болинброкомъ.
Здѣсь отдохнемъ, когда еще въ странѣ
Мятежниковъ есть мѣсто гдѣ-нибудь
Для отдыха законной королевы.

Входятъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ и стража.

КОРОЛЕВА.

Но тише. Вотъ, смотрите... Или лучше
Не видѣть вамъ – какъ розанъ мой поблекъ.
А впрочемъ – нѣтъ: смотрите, созерцайте,
Чтобы любви слезами, какъ росой,
Ему дать жизнь, отъ жалости растаявъ.

(Королю).

О, памятникъ могущественной Трои,
Ты, чести слѣдъ, ты, Ричарда гробница –
Не Ричардъ самъ, – прекрасное жилище,
Зачѣмъ въ тебя проникла злая скорбь,
А торжество въ тавернѣ поселилось?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не мучь меня, соединившись съ горемъ,
Чтобы мою кончину ускорить.
На счастье прошедшей нашей жизни
Учись смотрѣть – какъ на прекрасный сонъ;
Вообрази, что мы, проснувшись, видимъ,
Что бѣдственной судьбы я вѣрный братъ
И что я съ ней не разлучусь до смерти.

Во Францію поторопись уѣхать,
Въ какомъ-нибудь монастырѣ укройся:
Мы жизнью святой теперь должны
Заслуживать въ другомъ, загробномъ мѣрѣ,

103

Вънець, что здѣсь нечестія часы
Съ насъ сбросили.

КОРОЛЕВА.

Ужели Ричардъ мой
Такъ и душой, и тѣломъ измѣнился
И ослабѣлъ? Иль Болинброкъ лишилъ
Тебя ума? Иль былъ въ твоёмъ онъ сердцѣ?
Предъ смертью левъ, когда ему уже
Спасенья нѣтъ, когтями землю роетъ
Отъ бѣшенства, что побѣждень, – а ты –
Ужель готовъ, какъ школьникъ, наказанье
Перенести, и розгу цѣловать,
И, съ низкою покорностью, ласкаться
Къ учителю, – ты, левъ, король звѣрей!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Дѣйствительно, король звѣрей: не будь
Они звѣрьми – счастливымъ королемъ
Людей еще бѣ остался я донинѣ.
Готовься въ путь, во Францію спѣши;
Представь себѣ, что умираю я
И ты стоишь у смертнаго одра,
Чтобы со мной въ послѣдній разъ проститься.
Тамъ, въ зимніе глухіе вечера,
Со старыми людьми сидѣть ты будешь,
Передъ огнемъ камина, заставляя
Ихъ говорить о тяжелыхъ временахъ,
О бѣдствіяхъ, уже давно минувшихъ,
И прежде чѣмъ проститься съ ними на ночь,
Ты имъ сама расскажешь о моемъ
Паденіи плачевномъ, чтобы, плача,
Они легли въ свою постель. Тогда
И головни безчувственныя тронетъ
Такъ твой рассказъ, что огненные слезы
Онѣ прольютъ и облекутся въ трауръ,
Изъ черноты углей, или изъ пепла,
По свергнутому законномъ королѣ.

Входитъ НОРТОМБЕРЛЭНДЪ со свитой.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Милордъ, свое рѣшенъе Болинброкъ
Перемѣнилъ: не въ Тоуэръ, а въ Помфреть
Васъ велѣно отправить; что же васъ
Касается, миледи, вы должны
Во Францію спѣшить.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Нортomberлэндъ,
Ты – лѣстница, по ступенямъ которой
На мой престолъ восходитъ Болинброкъ.
Придетъ пора, – она наступитъ скоро, –
Что гнусный грѣхъ, раздувшись точно вередъ,
Прорвется вдругъ, и изольетъ свой гной.
Все захватить помогъ ты Болинброку;
И, хоть бы онъ полкоролевства далъ
Тебѣ за трудъ, ты будешь недоволенъ.
А онъ, узнавъ, какъ возводить на тронъ
Умѣешь ты монарховъ незаконныхъ,
Подумаетъ, что, при малѣйшей ссорѣ
Какой-нибудь, ты способы найдешь
Столкнуть его съ похищеннаго трона.
У злыхъ людей въ страхъ дружба переходитъ,
Страхъ – въ ненависть, а ненависть приводитъ
Иль одного изъ нихъ, иль обоихъ
Къ заслуженной опасности и смерти.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Моя вина на голову мою
Пусть упадетъ. Довольно же объ этомъ.
Проститесь и разстаньтесь другъ съ другомъ:
Немедленно должны вы уѣзжать.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Двойной разводъ! о, злые люди, вы
Нарушили супружество двойное, –
Двойной мой бракъ: съ короной и съ женой!

(Королеви.)

Позволь мнѣ снять обѣтъ нашъ поцѣлуемъ...
Нѣтъ! поцѣлуй его запечатлѣлъ.
Такъ разлучи же насъ, Нортomberлэндъ.
Я удалюсь на сѣверъ, гдѣ томится
Отъ холода природа; а жена,
Печальная, какъ осень, возвратится

Во Францію, откуда къ намъ она
Явилася, вся красотой сіяя,
Какъ чудный день плѣнительнаго мая.

КОРОЛЕВА.

Ужели я должна съ тобой проститься?

КОРОЛЬ.

Да, и рукой, и сердцемъ разлучиться.

КОРОЛЕВА.

Сошлите вы со мной и короля.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

То было бы не очень политично.

КОРОЛЕВА.

Ну, такъ меня отправьте вмѣстѣ съ нимъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Двойной нашъ плачь въ одно сольется горе.
Плачь обо мнѣ во Франціи, а я
Здѣсь о тебѣ лить слезы буду. Лучше
Быть далеко, чѣмъ, находясь вблизи,
Намъ никогда не видѣться другъ съ другомъ.
Иди и путь твой вздохами считай;
Я – стопами свой буду мѣрять.

КОРОЛЕВА.

Мой
Длиннѣе путь: въ немъ больше будетъ вздоховъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

На каждый шагъ стонать я буду дважды,
И на сердцѣ лежащая тоска
Короткій путь мой сдѣлаетъ длиннѣе.
Но полно намъ кокетничать съ печалью:
Надолго мы вступили съ нею въ бракъ;
Пусть поцѣлуй уста закроетъ наши,
И молча мы разстанемся съ тобой.
Мое тебѣ я сердце отдаю,
Беру твое. (*Цѣлуются.*)

КОРОЛЕВА.

Отдай мое назадъ,

Я не могу твое взять на хранение,
Чтобы разбить его (*цѣлуются снова*). Теперь, когда
Мнѣ сердце вновь мое возвращено,
Отъ горя пусть разрушится оно.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Отсрочка насъ напрасно лишь томить;
Прощай, любовь конецъ договорить.

СЦЕНА II.

Комната во дворцѣ герцога Йоркскаго.

Входятъ Герцогъ и Герцогиня Йоркскіе.

ГЕРЦОГИНЯ.

Милордъ, вы мнѣ хотѣли рассказать
О вѣздѣ двухъ племянниковъ въ столицу.
Но не могли договорить отъ слезъ.

ЙОРКЪ.

Чѣмъ кончилъ я?

ГЕРЦОГИНЯ.

Той горестной минутой,
Какъ дерзкія, бессмысленныя руки
Изъ оконъ пыль и всякій соръ бросали
На Ричарда.

ЙОРКЪ.

А герцогъ Болинброкъ
На скакунѣ горячемъ красовался;
И этотъ конь, какъ будто сознавая,
Что гордаго везетъ онъ сѣдока,
Шель медленнымъ и величавымъ шагомъ,
Межъ тѣмъ какъ всѣ кричали: «Да хранить
Тебя Господь, великій Болинброкъ!»
Казалось, что окна говорили, –
Такъ много въ нихъ виднѣлось разныхъ лицъ,
И молодыхъ и старыхъ, отовсюду,
Наперерывъ метавшихъ на него
Пытливые, сверкающіе взгляды.
Казалось, что стѣны всѣхъ домовъ,
Украшенныхъ, девизами покрытыхъ,
Кричали всѣ и разомъ Болинброку:
«Привѣтъ тебѣ, храни тебя Христось!»

Онъ, между тѣмъ, съ открытой головой,
Все кланялся направо и налѣво;
Его чело склонялось ниже шеи
Его коня, при чемъ онъ говорилъ:
«Благодарю, сограждане». – Такъ ѣхалъ
Все время онъ.

Герцогиня.

Увы, несчастный Ричардъ!
Что жъ было съ нимъ?

Йоркъ.

Подобно какъ въ театрѣ,
Когда актеръ любимый удалится,
Всѣ зрители разсѣянно глядятъ
На новаго, входящаго на сцену, –
Ждутъ отъ него лишь скучной болтовни, –
Такъ точно здѣсь, или съ гораздо большимъ
Презрѣніемъ, глаза людей косились
На Ричарда; никто не закричалъ:
«Храни его Господь!» – ничей языкъ
Не высказалъ веселаго привѣта;
Но на его священную главу
Пыль сыпалась, и съ тихою печалью,
Онъ стряхивалъ ее; въ его лицѣ
Боролися улыбки со слезами, –
Терпѣнія и вмѣстѣ скорби знакъ.
Когда бы Богъ, съ какой-то важной цѣлью,
Жестокостью не закалилъ сердецъ,
Расплавиться они должны бы были
При видѣ томъ; и варварство само
О Ричардѣ бѣ несчастномъ пожалѣло.
Но здѣсь видна рука Небесъ – и мы
Предъ высшею ихъ волей преклонимся;
На подданство присягу Болинброку
Мы принесли, и навсегда отнынѣ
Властителемъ его я признаю.

Герцогиня.

Вотъ сынъ, Омерль, идетъ.

Йоркъ.

Онъ былъ Омерлемъ,
Но, за свою приверженность къ Ричарду,
Онъ герцогскій свой титулъ потерялъ,
И Рутлэндомъ его зови отнынѣ.
Я предъ лицомъ парламента служу

Порукою за честь его и вѣрность
Монарху, вновь вступившему на тронъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Сынъ, здравствуй. Что, не знаешь ли – какія
Роскошныя фіалки появились
На лонѣ вновь родившейся весны?

ОМЕРЛЬ.

Не знаю я, да мало и забочусь;
Мнѣ все равно – быть въ ихъ числѣ, иль нѣтъ.

ГОРКЪ.

И хорошо. Среди весны новѣйшей
Веди себя, какъ слѣдуетъ, мой сынъ,
Чтобы тебя не сняли до расцвѣта.
Изъ Оксфорда какія вѣсти? Тамъ
Попрежнему все празднества, турниры?

ОМЕРЛЬ.

Насколько мнѣ извѣстно, да, милордъ.

ГОРКЪ.

Я знаю, ты туда желаешь ѣхать.

ОМЕРЛЬ.

Да, думаю, когда позволить Богъ.

ГОРКЪ.

Что за печать тамъ у тебя виситъ
Изъ пазухи? – Ты поблѣднѣлъ! Подай
Сюда письмо.

ОМЕРЛЬ.

Въ немъ пустяки, милордъ.

ГОРКЪ.

Такъ не бѣда – кто бъ ни прочелъ его.
Дай посмотрѣть: хочу я быть спокойнымъ.

ОМЕРЛЬ.

Я васъ прошу, увольте, ваша свѣтлость:
Я бъ не желалъ, по кой-какимъ причинамъ,

Показывать, хоть это пустяки.

ГОРКЪ.

А я письмо желалъ бы видѣть, сэръ,
По кой-какимъ причинамъ. Я боюсь...

ГЕРЦОГИНЯ.

Чего же ты бояться можешь? Это –
Какой-нибудь счетъ долга, по заказу
Наряднаго костюма для празднествъ.

ГОРКЪ.

Долгъ у него! Какъ смѣетъ долговья
Условія онъ заключать? Да ты
Сошла съ ума! Ну, покажи бумагу.

ОМЕРЛЬ.

Простите, но нельзя мнѣ показать.

ГОРКЪ.

Хочу я быть спокойнымъ, покажи!

(Вырываетъ бумагу.)

Измѣна! о, измѣна! Негодяй!
Измѣнникъ! Рабъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Милордъ, что тамъ такое?

ГОРКЪ.

Эй! кто тамъ есть? Эй!

(Входитъ слуга.)

Осѣдлатъ коня!
О, Господи, предательство какое!

ГЕРЦОГИНЯ.

Милордъ, въ чемъ дѣло? Что такое тамъ?

ГОРКЪ.

Я говорю, подать мои ботфорты,
Сѣдлатъ коня! *(Слуга уходитъ.)* Клянусь моею честью,
Я донесу на подлеца.

ГЕРЦОГИНЯ.

Въ чемъ дѣло?

ГОРКЪ.

Безумная ты женщина, молчи.

ГЕРЦОГИНЯ.

Не замолчу. Сынъ, что тамъ?

ОМЕРЛЬ.

Успокойтесь:

Я жизнью лишь могу тутъ поплатиться,
Не болѣе.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ты! Жизнью поплатиться?

ГОРКЪ.

Ботфорты мнѣ! Я ѣду къ королю.

(Входитъ слуга съ ботфортами.)

ГЕРЦОГИНЯ.

Ударь его, Омерль. Несчастный мальчикъ
Ты самъ не свой. *(Слугъ.)* Вонъ, негодяй! и мнѣ
Ты на глаза не попадайся больше.

(Слуга уходитъ.)

ГОРКЪ.

Я говорю: подайте мнѣ ботфорты.

ГЕРЦОГИНЯ.

Опомнись, Горкъ; что думаешь ты сдѣлать?
Ужели ты не хочешь скрыть проступокъ
Родного сына? Иль у насъ еще
Есть сыновья? Иль есть у насъ надежда
Имѣть другихъ? Ужели для меня
Безплодія пора не наступила?
И хочешь ты у старости моей
Теперь отнять мнѣ дорогого сына,
И матери счастливаго названья
Меня лишить? Или не твой онъ сынъ?
Или съ тобой онъ не имѣетъ сходства?

ГОРКЪ.

Безумная ты женщина, ужели
Ты заговоръ ужасный хочешь скрыть?
Двѣнадцать лицъ, причастіемъ и клятвой,
И подписью своею, обязались
Убить монарха въ Оксфордѣ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Не будетъ
Сынъ въ ихъ числѣ: мы здѣсь его удержимъ;
Такъ что ему до этого?

Іоркъ.

Отстань,
Безумная! Хотя бѣ онъ двадцать разъ
Мнѣ сыномъ былъ, я на него донесъ бы!

Герцогиня.

Когда бѣ ты такъ помучился, какъ я,
Изъ-за него, ты чувствовалъ бы жалость.
Но вижу я теперь: подозрѣваешь
Ты, что тебѣ была я невѣрна,
Что онъ – не твой, а незаконный сынъ.
Мой милый Іоркъ, супругъ мой, такъ не думай:
Онъ весь въ тебя, со мной въ немъ сходства нѣтъ,
Да и ни съ кѣмъ изъ всей моей родни,
И все-таки его люблю я.

Іоркъ.

Прочь!

(Уходитъ.)

Герцогиня.

За нимъ, Омерль! Скорѣе на коня,
Гони и шпоръ, опереди его,
И выпроси у короля прощенье,
Пока отецъ тебя не обвинилъ.
Я ѣду вслѣдъ; хотъ я уже стара,
Но я могу скакать не хуже Іорка.
И съ пола я не подымусь пока
Не выпрошу я для тебя прощенья
У короля. Спѣши! ну, въ путь! скорѣй!

106

СЦЕНА III.

Уиндзоръ. Комната въ замкѣ.

Входитъ Болинброкъ (уже король), Перси и другіе лорды.

Болинброкъ.

Ужель никто не сообщитъ вѣстей

Мнѣ о моемъ безпутномъ сынѣ? Вотъ
Три мѣсяца, что я его не вижу.
Когда бѣда какая угрожаетъ
Намъ за грѣхи, такъ это – вѣрно, онъ.
Желалъ бы я найти его, милорды.
Велите-ка о немъ поразспросить,
Да поискать по лондонскимъ тавернамъ:
Онъ шляется тамъ, слышно, каждый день,
Въ сообществѣ товарищей безпутныхъ.
Межъ ними есть такіе, говорятъ,
Что, притаясь въ пустынныхъ переулкахъ,
Бьютъ часовыхъ и грабятъ проходящихъ;
И онъ, – пустой, изнѣженный мальчишка –
Вмѣняетъ въ честь себѣ – опорой быть
Для сволочи подобной.

ПЕРСИ.

Государь,
Два дня тому назадъ я видѣлъ принца;
Объ ѳксфордскихъ турнирахъ говорилъ.

БОЛИНБРОКЪ.

Ну, что же вамъ высказывалъ повѣса?

ПЕРСИ.

Что онъ пойдетъ въ публичный домъ, сорветъ
Перчатку тамъ съ руки послѣдней твари;
Что будетъ онъ носить ее, какъ знакъ
Отличія, и, съ этою перчаткой,
Собьетъ съ коня сильнѣйшаго бойца.

БОЛИНБРОКЪ.

Развратный и отчаянный мальчишка!
Но проблески какихъ-то лучшихъ качествъ
Я вижу въ немъ, при всемъ его безпутствѣ.
Быть можетъ, что проявятся они
Блистательно, когда онъ будетъ старше.
Но кто идетъ сюда?

Входитъ торопливо ОМЕРЛЬ.

Гдѣ государь?

БОЛИНБРОКЪ.

Что это нашъ кузень такъ дико смотритъ?

ОМЕРЛЬ.

Да сохранить Господь васъ, государь.

Прошу у васъ свиданья съ глазу на глазъ.

Болинброкъ.

Уйдите всѣ, оставьте насъ однихъ.

(Перси и лорды уходятъ.)

Ну что съ тобой случилось, кузень мой?

Омерль *(становясь на колѣни)*.

Пусть приростутъ къ землѣ мои колѣни,
И къ нѣбу пусть прилипнетъ мой языкъ,
Но не скажу ни слова и не встану,
Не получивъ прощенія впередъ.

Болинброкъ.

Замышленъ, иль ужъ совершенъ проступокъ?
Коль первое, то какъ бы ни былъ онъ
Позоренъ, я тебѣ его прощаю,
Чтобъ въ будущемъ любовь твою привлечь.

Омерль.

Позвольте мнѣ дверь запереть на ключъ,
Чтобы никто не могъ войти, покуда
Не кончу я признанья моего.

Болинброкъ.

Запри, когда желаешь.

(Омерль запираетъ дверь.)

Омерль.

Государь,
Поберегись: передъ тобой – измѣнникъ.

Болинброкъ *(вынимая мечъ)*.

Подлецъ, тебя я сдѣлаю безвреднымъ.

Омерль.

Останови карающую руку:
Бояться нѣтъ причины у тебя.

Йоркъ *(за сценой)*.

Дверь отвори, король неосторожный,
До глупости отважный! Неужели,
Любя тебя, я буду принужденъ
Передъ тобой быть дерзкимъ, какъ измѣнникъ?
Дверь отопри, иль я ее сломаю!

(Болинброкъ отворяетъ дверь и снова запираетъ ее на ключъ. Входитъ Йоркъ.)

Болинброкъ.

Ну, что случилось, дядя? Духъ сперва
Переведи. Скажи, близка ль опасность,
Чтобъ встрѣтить намъ ее, вооружась.

Йоркъ (подавая бумагу).

Вотъ, прочитай; узнаешь объ измѣнѣ...
Одышка мнѣ мѣшаетъ говорить.

Омерль.

Не забывай, читая, обѣщанья
Мнѣ даннаго: раскаиваюсь я;
И пропусти мое въ бумагѣ имя:
При подписи была моя рука,
Но сердце съ ней тутъ не было въ союзѣ.

Йоркъ.

Лжешь, негодяй, – до подписи ужъ было.
О, государь, – я этотъ документъ
Изъ пазухи его насильно вырвалъ;
Страхъ, не любовь, раскаянье внушаетъ
Измѣннику; о жалости къ нему
Забудьте, чтобъ она не оказалась
Змѣею, что вамъ сердце уязвить.

Болинброкъ.

О, заговоръ ужасный, дерзкій, гнусный,
О, честный Йоркъ, отецъ мерзавца сына!
Серебряный сіяющій родникъ,
Отколь ручей вотъ этотъ сквозь проходы

107

Нечистые направилъ свой потокъ!
Избытокъ твой добра преобразился
Во зло; но пусть, за это изобиліе
Добра въ тебѣ отпустится теперь
Смертельный грѣхъ въ твоёмъ преступномъ сынѣ.

Йоркъ.

И будетъ такъ моя же добродѣтель
Его порокъ собою прикрывать?
Своимъ стыдомъ онъ честь мою растратить,
Какъ блудный сынъ сокровища отца.
Да, честь моя жить можетъ лишь по смерти

Безчестія его; иль жизнь моя
Покроется стыдомъ въ его позорѣ.
Меня убьешь, злодѣя пощадивъ:
Правдивый мертвъ, когда измѣнникъ живъ.

Герцогиня *(за дверью)*.

Мой государь, впусти́те, ради Бога!

Болинброкъ.

Кто это такъ пронзительно кричитъ?

Герцогиня.

Я, женщина; твоя, король, я тетка.
О, выслушай, дверь отвори сейчасъ;
Я – нищая, что просить въ первый разъ.

Болинброкъ.

Ну, вотъ теперь играть придется роль
Въ комедіи: «Убогій и Король».
Опасный братъ, ты долженъ мать впустить, –
Вѣдь, о тебѣ пришла она просить.

(Омерль отворяетъ дверь).

Йоркъ.

Кто бъ ни просиль, но если ты простишь,
Лишь новыя злодѣйства породишь;
Гнилой суставъ отнять ты долженъ сразу,
Чтобъ въ остальныхъ предотвратить заразу.

Входитъ Герцогиня.

Герцогиня.

О, государь, не слушайте его:
Кто врагъ себѣ – не любитъ никого.

Йоркъ.

Безумная, зачѣмъ тебѣ здѣсь быть,
Иль старою своею грудью снова
Измѣнника ты думаешь вскормить?

Герцогиня.

Терпѣнье, Йоркъ. Король, дай молвить слово.

(Становится на колыни.)

Болинброкъ.

Встань, тетушка.

Герцогиня.

Нѣтъ, государь, не встану;
Я умолять тебя не перестану,
Чтобы мою ты радость возвратилъ,
Чтобъ Рутлэнда виновнаго простишь.

О МЕРЛЬ.

Я съ матерью колѣно преклоняю,
Съ ея мольбой свою соединяю.

(Преклоняетъ колѣно.)

ГОРКЪ.

Нѣтъ, государь, пощады не давай
Несчастія себѣ не накликай;
Я противъ нихъ склоню мои колѣни.

(Становится на колѣни.)

ГЕРЦОГИНЯ.

Но искренно ль онъ говоритъ? Взгляни
Ему въ лицо: въ его глазахъ не видно
Ни капли слезъ; онъ проситъ только въ шутку;
Его слова выходятъ лишь изъ губъ,
А наша рѣчь изъ нашей груди льется.
Онъ въ просьбѣ вяль, отказа бы желалъ,
Мы – всей душой всѣмъ сердцемъ нашимъ просимъ;
Съ своихъ колѣнъ усталыхъ радъ онъ встать,
Мы – приростить свои готовы къ полу;
Притворства, лжи мольбы его полны,
А наши такъ усердны и правдивы;
Онъ сильнѣй, не откажи же имъ
Въ той милости, которая должна
Вознаградить сердечныя молитвы.

БОЛИНБРОКЪ.

Встань, тетушка.

ГЕРЦОГИНЯ.

Не говори мнѣ – «встань»,
Сперва скажи – «прощаю». Если бъ я
Была твоей кормилицей, когда бы
Я говорить тебя учила, – первымъ словомъ
Твоихъ рѣчей прощенье было бъ; я
До этихъ поръ ни разу не желала
Такъ пламенно услышать что-нибудь,
Какъ этого я слова ожидаю.
Произнеси его, мой государь!
Тебѣ его подскажетъ состраданье.

Сказать его такъ сладко и легко.
Приличнѣе нѣтъ слова для монарховъ.

ГОРКЪ.

Скажи, король, ей *pardonnez moi*.

ГЕРЦОГЪ.

О, злой супругъ, жестокий мужъ, ты учишь
Прощеніе прощеньемъ разрушать.
Обратный смыслъ словамъ своимъ давать!
Нѣтъ, государь, произнеси «прощаю»
По-англійски; французской болтовни
Намъ не понять. Твои глаза, я вижу,
Ужъ говорятъ; отдай имъ свой языкъ,
Съ чувствительнымъ и жалостливымъ сердцемъ
Соедини свой слухъ, чтобы оно,
Услышавъ, какъ усердны просьбы наши,
Намъ не могло въ прощеньи отказать.

БОЛИНБРОКЪ.

Да встаньте же.

ГЕРЦОГИНЯ.

Я не о томъ прошу;
Прощеніе – вотъ все, чего желаю.

108

БОЛИНБРОКЪ.

Свидѣтель Богъ, я Рутлэнда прощаю.

ГЕРЦОГИНЯ.

Вотъ счастье колѣнопреклоненья!
Но я боюсь... прошу я повторить –
Не значить то – два раза дать прощенье,
А лишь одно прощенье подтвердить.

ГЕНРИХЪ.

Отъ всей души его прощаю я.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ты богъ земной.

БОЛИНБРОКЪ.

Но что до остальныхъ, –

До преданнаго зятя и аббата,
И прочей всей крамольной шайки – гибель
Погонится за ними по пятамъ.
Вели послать отряды, дядя, въ Оксфордъ
И всюду, гдѣ находятся теперь
Измѣнники, чтобъ ихъ схватить; клянусь
Не будутъ жить они ужъ въ этомъ мѣрѣ.
Мнѣ бъ только знать, гдѣ ихъ найти, а тамъ
Они въ моихъ рукахъ. Прощайте, дядя,
И вы, кузень. Успѣшно ваша мать
Прощенія просила; будьте жъ вѣрны.

ГЕРЦОГИНЯ.

Пойдемъ, мой сынъ. Я Господа молю,
Чтобъ сдѣлался ты новымъ человѣкомъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Въ другой комнатѣ замка.

Входятъ СЭРЪ ПИРСЪ ЭКСТОНЪ и СЛУГА.

ЭКСТОНЪ.

Замѣтилъ ли ты фразу короля:
«Иль у меня ни одного нѣтъ друга,
Который бы освободилъ меня
Отъ этого живого страха?» Такъ ли
Онъ говорилъ?

СЛУГА.

Да, этими словами.

ЭКСТОНЪ.

«Иль у меня ни одного нѣтъ друга?»
Такъ онъ сказалъ два раза, съ удареньемъ;
Не правда ли?

СЛУГА.

Такъ точно.

ЭКСТОНЪ.

И при этомъ
Онъ на меня такъ пристально смотрѣлъ,
Какъ бы сказать желая: «мнѣ бъ хотѣлось,
Чтобъ ты былъ тѣмъ, кто снялъ бы этотъ ужасъ
Съ моей души»; – то былъ прямой намекъ

На короля, что въ Помфретъ. И такъ,
Отправимся; я буду этимъ другомъ –
И Генриха избавлю отъ врага.

СЦЕНА V.

Помфретъ. Тюрьма въ замкѣ.

Входитъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я размышлялъ: съ чѣмъ въ мірѣ мнѣ сравнить
Мою тюрьму? – Но міръ такъ многолюденъ,
А я живу въ моей тюрьмѣ одинъ, –
Такъ что нельзя и подыскать сравненья.
Однакоже, попробую. Мой мозгъ –
Супругъ моей души; отъ нихъ двоихъ
Произошло потомство разныхъ мыслей,
Что въ тишинѣ плодятся, наполняютъ
Мой маленькій мірокъ, какъ люди – міръ;
И на людей они похожи тѣмъ,
Что ни одна изъ мыслей не довольна.
Ихъ высшій родъ, иль мысли о предметахъ
Божественныхъ, – сомнѣнія полны,
Найдя какъ бы противорѣчье въ текстахъ.
Такъ на примѣръ: «придите всѣ» и дальше:
«Прійти туда труднѣе, чѣмъ верблюду
Черезъ ушко игольное пройти.»
Тѣ мысли, что порывовъ честолюбыя
Касаются, задумываютъ чудо:
Прорвать проходъ сквозь камни стѣнъ тюрьмы,
Вотъ этими безсильными ногтями, –
И тутъ же мрутъ въ тщеславіи своемъ,
Сообразивъ, что это невозможно.
Тѣ мысли, что желаютъ примирить
Меня съ судьбой, стараются утѣшить
Тѣмъ, что я здѣсь – не первый рабъ ея,
А также что не буду и послѣднимъ.
Такъ нищіе бродяги въ кандалахъ
Прогнать свой стыдъ стараются той мыслью,
Что многіе ужъ были въ кандалахъ
И многіе въ нихъ тоже попадутся; –
И въ мысли той находятъ родъ отрады,
Свою бѣду сваливши на другихъ,
На спину тѣхъ, что прежде пострадали.
И такъ, во мнѣ есть множество людей,
И ни одинъ судьбою не доволенъ.

То – я король; – тогда, страшась измѣнъ,
Желаю я быть нищимъ, то – я нищій; –
И гнетъ нужды мнѣ говоритъ, что лучше
Быть королемъ; вотъ, я опять король –
И тотчасъ же я думаю о томъ,
Что съ трона я низвергнуть Болинброкомъ,
Что я – ничто. Но чѣмъ бы ни былъ я –
Ни я, никто не можетъ быть доволенъ
Ничѣмъ, пока себѣ онъ не найдетъ
Въ небытіи послѣдняго покоя.

(Музыка.)

Не музыка ль? – Эй, соблюдайте тактъ!
Звукъ музыки намъ оскорбляетъ ухо,
Когда въ ней тактъ, размѣръ не соблюденъ.
То жъ самое и съ музыкаю жизни.
Здѣсь тонокъ слухъ мой: я могу замѣтить

109

Разладъ въ струнахъ, нарушенный размѣръ;
Въ гармоніи жъ правленья моего
И времени – я слуха не имѣлъ,
Чтобъ уловить пропущенные такты.
Безъ пользы я лишь время расточалъ,
Теперь оно ужъ пользуется мною:
Часами я ему теперь служу,
Гдѣ роль минутъ мои теперь играютъ мысли,
Гдѣ вздохами отмѣченъ каждый тактъ.
Мои глаза – наружная доска,
Гдѣ палецъ мой, какъ стрѣлка циферблата,
Все движется, стирая слезы съ нихъ.
Минуетъ часъ – и стонъ мой раздается;
Какъ въ колоколъ, въ мое онъ сердце бьетъ.
Такъ вздохи тѣ и слезы, и стенанья –
Теченіе секундъ, минутъ, часовъ,
Ходъ времени собой обозначаютъ.
И время то бѣжитъ для Болинброка,
Средь гордаго веселія, а я
Въ его часахъ играю роль кукушки.
О, музыка сведетъ меня съ ума!
Пусть замолчитъ! Безумнымъ, говорятъ,
Не разъ она разсудокъ возвращала;
Что до меня – мнѣ кажется, она
Разумнаго лишитъ ума способна.

Но все же я благословляю сердце,
Что музыкой привѣтствуетъ меня:
То знакъ любви, а къ Ричарду любовь –
Вещь рѣдкая на этомъ злобномъ свѣтѣ.

Входитъ Конюхъ.

Конюхъ.

Привѣтствую васъ, царственный властитель.

Король Ричардъ.

Благодарю васъ, благородный пэръ;
Дешевому вы придаете цѣну.
Кто ты и какъ пробраться могъ сюда,
Гдѣ вижу я лишь хмурую собаку,
Что пищу мнѣ приносить, чтобъ продлить
Несчастіе?

Конюхъ.

Я при твоей конюшнѣ
Былъ конюхомъ, когда ты былъ на тронѣ.
Иду я въ Йоркъ и, по пути туда,
Съ большимъ трудомъ добился позволенья –
На бывшего хозяина взглянуть.
Какой тоской во мнѣ заныло сердце
При торжествѣ коронованья Генри,
Когда въ тотъ день увидѣлъ Болинброка
Я на твоёмъ арабскомъ жеребцѣ!
На этомъ, вѣдь, конѣ ты часто ѣздилъ,
За нимъ я такъ заботливо ходилъ!

Король Ричардъ.

Такъ ѣхалъ онъ на рыжемъ? милый другъ мой,
Скажи какъ шель мой конь подъ нимъ?

Конюхъ.

Шель гордо,
Какъ будто бы онъ землю презиралъ.

Король Ричардъ.

Гордяся тѣмъ, что носить Болинброка?
Съ моей руки державной ѣлъ онъ хлѣбъ,
И ласкою моею такъ гордился!
И не споткнулся онъ, и не упалъ? –
Паденіе должна извѣдать гордость. –
И не сломилъ онъ шеи сѣдоку?
Прости мнѣ, конь; могу ль тебя корить?
Ты созданъ – быть во власти человѣка,

Рождень, чтобы носить. Вотъ я – не конь,
Но, какъ осель, несу свое я бремя,
И шпоры мнѣ вонзаетъ Болинброкъ.

Входитъ ТЮРЕМЩИКЪ съ блюдомъ.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Ну, уходи, пріятель; оставаться
Здѣсь долѣе нельзя.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пора тебѣ
Уйти, когда меня ты любишь.

КОНЮХЪ.

То,
Что высказать не смѣетъ мой языкъ,
Пусть сердце вамъ доскажетъ.

(Уходитъ.)

ТЮРЕМЩИКЪ.

Не угодно ль
Покушать вамъ, милордъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сперва отвѣдай
Ты пищу самъ, какъ дѣлаешь всегда.

ТЮРЕМЩИКЪ.

Не смѣю я отвѣдать: сэръ Пирсъ Экстонъ,
Пріѣхавшій сюда отъ короля,
Мнѣ запретилъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Чортъ побери тебя
И Генриха! Терпѣніе мое
Истощено.

(Бьетъ тюремщика.)

ТЮРЕМЩИКЪ.

Спасите! помогите!

Входятъ ЭКСТОНЪ и слуги, вооруженные.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что это! Смерть врывается ко мнѣ,
Съ насиліемъ! Ты собственной рукою
Оружіе даешь мнѣ, негодяй,

Чтобъ я тебя убилъ.

(Вырываетъ оружіе у одного изъ слугъ и убиваетъ его.)

Ступай туда же,
Займи другую комнату въ аду.

(Убиваетъ другого слугу; затѣмъ ему самому наноситъ смертельную рану Экстонъ.)

Рука, меня сразившая, горѣтъ
Осуждена въ огнѣ неугасимомъ;
Кровь короля на землю короля

110

Жестокою рукой ты пролилъ, Экстонъ.
Пари, душа, пріютъ твой въ небесахъ;
Плоть грубая пусть обратится въ прахъ.

(Умираетъ.)

Экстонъ.

И мужествомъ, и царственною кровью
Онъ полонъ былъ, – и все я погубилъ.
О, если бы поступокъ мой былъ честень!
Но дьяволъ, что подвигъ меня къ нему,
Мнѣ говорить, что онъ достоинъ ада.
Я мертвого монарха отвезу
Къ живущему; возьмите остальныхъ –
И у тюрьмы похороните ихъ.

СЦЕНА VI.

Уиндзоръ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Болинброкъ, Йоркъ, лорды и свита.

Болинброкъ.

Вотъ, дядя Йоркъ, послѣднее извѣстье:
Мятежники сожгли нашъ городъ Сайстеръ,
Что въ Глостерширѣ. Схвачены ль они,
Убиты ли – мы этого не знаемъ.

Входитъ Нортomberландъ.

А, здравствуйте, милордъ; какія вѣсти?

Нортomberландъ.

Во-первыхъ, я желаю, государь.
Всѣхъ благъ твоей священнѣйшей державѣ;

За тѣмъ скажу, что Спенсеръ, Салисбери
И Блэнтъ и Кентъ – всѣ казнены, и въ Лондонъ
Я головы ихъ отослалъ. О томъ –
Какъ схвачены преступники, подробно
Изложено вотъ въ этомъ донесеньи.

(Подаетъ бумагу.)

Болинброкъ.

За этотъ трудъ тебя благодаримъ –
И за него достойно наградимъ.

Входитъ Фицуотеръ.

Фицуотеръ.

Опасныхъ два измѣнника, изъ шайки,
Замыслившей тебя низвергнуть съ трона,
Сэръ Беннетъ Сили, Брокасъ, казнены –
И головы я ихъ отправилъ въ Лондонъ
Изъ Оксфорда.

Болинброкъ.

Благодарю, Фицуотеръ,
Твоихъ трудовъ не позабуду я –
И дорога услуга мнѣ твоя.

Входитъ Перси съ Епископомъ Карляйскимъ.

Перси.

Главнѣйшій изъ крамольниковъ, аббатъ
Уэстминстерскій, подавленный уныньемъ
И совѣстью, въ могилу ужъ сошелъ;
Но вотъ живой Карляиль передъ тобою,
Чтобъ выслушать рѣшеніе твое
И понести за гордость наказанье.

Болинброкъ.

Вотъ приговоръ мой надъ тобой, Карляиль:
Ты изберешь пріютъ благочестивый,
Какой-нибудь пустынный монастырь,
Для жительства; и до тѣхъ поръ, покуда
Тамъ будешь жить ты мирно, никакой
Ударъ тебя до смерти не постигнетъ.
Хотя ты былъ всегда моимъ врагомъ,
Но замѣчалъ въ тебѣ я искры чести.

Входитъ Сэръ Пирсъ Экстонъ со слугами, несущими гробъ.

Экстонъ.

Я приношу твой погребенный страх:
Вотъ здѣсь, въ гробу, лежитъ бездушный прахъ
Сильнѣйшаго изъ всѣхъ твоихъ враговъ –
Прахъ Ричарда.

Болинброкъ.

Но благодарныхъ словъ
За то не жди. Позорное дѣянье,
Губительной рукой, ты совершилъ;
Ты голову мою стыдомъ покрылъ
И всю страну.

Экстонъ.

Я лишь твое желанье
Исполнилъ.

Болинброкъ.

Ядъ противень и тому,
Кто принужденъ прибѣгнуть былъ къ нему:
Такъ точно ты мнѣ ненавистень сталъ.
Хоть Ричарда кончины я желалъ, –
Теперь, когда его убитымъ вижу,
Люблю его, – убійцу – ненавижу.
Возьми за трудъ души преступной гнеть,
Но отъ меня ни ласки, ни щедротъ
Не ожидай, и съ Каиномъ скитайся
Во тьмѣ ночной, при свѣтѣ не являйся.
Милорды, вамъ свидѣтельствую я:
Прискорбіемъ полна душа моя,
Что кровь мое величье обагрила,
Едва на тронъ моя нога вступила.
Надѣньте трауръ, мы къ землѣ святой
Отправимся, со скорбію глубокой,
Смыть эту кровь съ руки моей жестокой.
Съ печалію послѣдуйте за мной,
Почтите здѣсь вы трауръ мой унылый,
Рыданіемъ надъ этою могилой.

Д. Михаловскій.

Дѣйствіе I, сцена I.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Львы дѣлаютъ ручными леопардовъ.

Намекая здѣсь на золотыхъ леопардовъ, изображенныхъ на гербовомъ щитѣ Норфольковъ, король говоритъ этою фразой, что Норфолькъ долженъ покориться его приказанію, какъ леопардъ покоряется льву.

Тамъ же, сцена III.

МАРШАЛЬ.

Стой! государь жезлъ бросилъ на арену.

Король бросаетъ свой жезлъ между сражающимися, на арену, въ знакъ того, что они должны прекратить свой поединокъ.

Тамъ же.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

*Кладите ваши изгнанныя руки
На королевскій мечъ нашъ и клянитесь
Передъ Богомъ (мы себя здѣсь изгоняемъ,
Какъ мы изгнали васъ)*

Рѣшеніемъ короля Норфолькъ и Болинброкъ изгнаны изъ Англіи. Словами мы себя здѣсь изгоняемъ, какъ мы изгнали васъ, Ричардъ говоритъ, что послѣ этого приговора отношенія его къ изгнаннымъ, какъ къ подданнымъ прекращаются. – Рукоятка королевскаго меча, на которомъ они кладутъ руки, давая клятву, имѣетъ видъ креста.

Тамъ же.

.....
*Воображай, что птицы – музыканты
Лугъ, гдѣ идешь – коверъ парадной залы*

Въ подлинникѣ: трава по которой ты ступаешь – усыпанная парадная (или приѣмная) зала (presence strew'd). По обычаю того времени подобныя залы усыпались тростникомъ.

Дѣйствіе II, сцена I.

ГАНТЬ.

*Какъ мнѣ къ лицу подходитъ это имя!
Да, Гантъ-сухарь, отъ старости засохшій.*

Вся эта рѣчь Ганта основана на непереводимой игрѣ словомъ gaunt, которое значитъ чрезвычайно худой, сухой. Гантъ указываетъ на это значеніе своего фамильнаго имени, примѣняя его къ своему положенію. Поэтому король говоритъ ему далѣе:

Возможно ли, чтобъ человекъ больной

Такъ хорошо игралъ своимъ прозваньемъ?

Дѣйствіе II, сцена II.

Гринь.

*Лордъ-сенешаль, графъ Уорстеръ,
Сломалъ свой жезлъ.*

Изломавъ свой жезлъ, который онъ носилъ, какъ знакъ своей должности, въ качествѣ главнаго начальника королевскаго дворца, сенешаль тѣмъ самымъ показывалъ, что онъ сложилъ съ себя это званіе.

Дѣйствіе III, сцена III.

Болинброкъ.

Не нападайте, дядя, черезъ мѣру.

Йоркъ.

*Не заносись, племянникъ, черезъ мѣру,
Чтобъ не упасть.*

Въ подлинникѣ здѣсь непереводаемая игра словъ: to take – брать, захватывать и to mistake – ошибаться, ложно истолковывать, и т. п. Болинброкъ говоритъ: «не ошибайтесь, дядя (т.-е. не перетолковывайте словъ Нортomberлэнда) больше, чѣмъ слѣдуетъ; а Йоркъ отвѣчаетъ ему: не бери (или не захватывай), племянникъ, больше, чѣмъ слѣдуетъ, чтобы не ошибиться, намекая этимъ на незаконныя притязанія Болинброка.

112

Тамъ же сцена IV.

Садовникъ.

*Устрою я гряду изъ горькой руты,
Чтобъ этотъ злакъ печальный здѣсь возросъ,
Въ воспоминанье королевскихъ слезъ.*

Въ подлинникѣ здѣсь непереводаемая игра словомъ rue. Rue значитъ и рута (растеніе, считающееся эмблемой милосердія) и горестъ, сожалѣніе, раскаяніе.

Дѣйствіе IV, сцена I.

Омерль.

*Могу ль я опозорить
Настолько блескъ моихъ прекрасныхъ звѣздъ,
Чтобъ наказать клеветника, какъ ровню?*

Подъ прекрасными звѣздами Омерль разумѣетъ свое знатное происхожденіе, родство съ королемъ и всѣ преимущества, выпавшія на его

долю, по волѣ судьбы, или, по астрологическому выраженію, подѣ вліяніемъ «счастливой звѣзды». Указывая на свое происхожденіе, Омерль задаетъ вопросъ: можетъ ли онъ выйти на поединокъ съ Бэготомъ, какъ равнымъ ему рыцаремъ, не унизивъ тѣмъ своего достоинства.

Тамъ же.

СЕРРЕЙ.

*Такая ложь такъ тяжело наляжетъ
На мечъ мой, что онъ будетъ мстить, карать,
Покуда лжець и ложь его не будутъ
Лежать въ земль... etc.*

Здѣсь въ подлинникѣ – игра словами: lie – ложь, а to lie – лежать, а также лгать.

Тамъ же.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

*Извѣстны вамъ пути – въ обходъ закона,
Возвыситься, монарха свергнувъ съ трона.*

Въ подлинникѣ здѣсь игра словами: to convey и conveyer. To convey значитъ проводить чрезъ что, отвести, отправить, а также украсть, похитить; а conveyer – проводникъ и похититель.

Дѣйствіе V, сцена V.

КОНЮХЪ.

Привѣтствую васъ, царственный властитель.

Здѣсь въ подлинникѣ непереводаемая игра словомъ royal. Royal значитъ королевскій (или царственный) и, вмѣстѣ, оно было названіемъ цѣнной монеты (какъ у насъ названіе имперіаль). Ричардъ играетъ двоякимъ значеніемъ этого слова, говоря, что онъ теперь не только не royal, а не стоитъ и десяти гротовъ. Горько подшучивая, такимъ образомъ, надъ преувеличеннымъ привѣтствіемъ конюха, не соответствующимъ положенію свергнутаго государя, онъ, въ свою очередь, называетъ конюха, въ насмѣшку, «благороднымъ пѣромъ».